

ТАМАРА ПЕРОВА ЖЕЛТЫЙ БРИЛЛИАНТ

16+

Тамара Перова
Желтый бриллиант

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Перова Т. Т.

Желтый бриллиант / Т. Т. Перова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-2004-4

Это произведение относится к жанру классического женского романа. В нем показана жизнь, с одной стороны, обычной женщины со всеми её радостями и проблемами, а с другой – женщины чрезвычайно эмоциональной, предано любящей близких, великодушной и щедрой. Её судьба такова, что она испытала безграничную, где-то даже эгоистичную, любовь своих родителей, счастье быть любимой женой, матерью и бабушкой, горе потери близких людей. Новое испытание судьбы богатством уже в зрелом возрасте повергло героиню романа сначала в состояние растерянности и страха, а потом дало ей уверенность в своих силах и возможность спасти и сделать счастливыми своих близких.

ISBN 978-5-5321-2004-4

© Перова Т. Т., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

НАЧАЛО

Москва. 26 февраля 2009 года. Скоро начало весны. Вечер пятницы.

Татьяна Петровна Видова уютно устроилась в кресле перед телевизором. Очередные «Ментовские войны» давно перестали волновать воображение, просто звуковой фон в большой пустой квартире. Татьяна Петровна ждала мужа, Николая Александровича Большакова, физика, известного ученого, который вот-вот должен прийти с работы. К родителям, в дом своего детства, довольно часто навещался взрослый сын, Василий. Внук, Артемка – забавный, очаровательный малыш, подолгу, месяцами жил на попечении бабушки и дедушки. Мама Артемки, Лидия Васильевна Лаврухина, с которой Вася развелся, когда Артемке было чуть больше годика, не «жаловала» бывшую свекровь. Подруга Василия, очаровательная Анечка, Анна Семеновна Соловьева, была нечастой, но желанной гостьей. Впрочем, и на Лиду Лаврухину Татьяна Петровна не держала обиды. Она переступила через боль развода сына ради ненаглядного Артемушки. И еще, она понимала Лиду. Несозревшая душа инфантильной девушки не была готова ни к любви, ни к материнству. В квартире также жил маленький песик Чипсик, непонятной породы, купленный за большие деньги как породистый йорк-терьер. Чипсик сидел на ковре у ног Татьяны Петровны и внимательно смотрел телевизор. Татьяна Петровна более внимательно рассматривала, вернее, любовалась «драгоценным» фарфором. Так она называла чашечки, чайнички, вазочки, изящно расставленные в шкафчиках с подсветками. Там, действительно, было несколько достойных внимания вещей. В квартире очень много книг: научных, по двум специальностям – физике и экономике, классики, великолепных альбомов по искусству, редких, очень старых изданий. Половину книг отвезли на дачу, но это мало помогло. Еще в квартире было очень чисто, гармонично красиво, уютно и удобно.

Татьяна Петровна посмотрела на часы, стоявшие на низкой тумбе, рядом с английской «вертушкой» и небольшим собранием виниловых пластинок. Была половина первого ночи.

Неприятно дернулись руки. Машинально она взяла телефон, нашла номер Кольки, нажала кнопку вызова. Телефон ответил, что абонент находится вне зоны доступа. Колька, с которым в мире и любви она прожила так много лет, должен был обязательно позвонить, если надолго задерживался. Они все всегда делали вместе: достижения и ошибки, переживали радость, делили боль и обиды. Татьяна Петровна пошла на кухню, приготовила в кофе-машине кофе с теплым молоком и, стараясь быть спокойной, сдерживая трясущиеся руки, выпила большую чашку душистого вкусного напитка. Убрала за Чипсиком, протерла и без того блестящие ручки на кухонных шкафах, бесцельно обошла всю большую четырехкомнатную квартиру, опять нажала кнопку вызова Колькиного телефона. Ответ был тот же.

Она села в кресло и стала думать. Сегодня пятница, вернее, уже вчера, но допустим, что сегодня. Большой Ученый совет – по четвергам. Да! Она вспомнила, что Николай говорил о банкете по поводу юбилея Ивана Васильевича, проректора по науке, закадычного друга Николая. Но банкет начинался в три часа, Иван знал меру, и к семи вечера все наверняка разошлись. Еще Николай жаловался на своих аспиранток Клаву и Зою – «Барби из провинции», как он их шуточно называл. Девочки действительно приехали из провинции с золотыми медалями, поступили и неплохо закончили университет. Теперь с непонятным для посторонних упор-

ством писали, или, как говорил Николай Александрович, «сочиняли» кандидатские диссертации по ядерной физике. Особенность заключалось лишь в том, что обе девочки были дочерьми губернаторов двух крупнейших и богатейших регионов России, ограничений не знали ни в чем. И если им «приспичило» в пятницу вечером обсудить свои новые, бесспорно «гениальные» идеи с научным руководителем, значит, будет только так. Но что можно обсуждать с двумя избалованными, домашними девочками до полуночи. Татьяна Петровна даже мысли не допускала «про что-то там...», она хорошо знала и уважала мужа. И все-таки сердце беспокойно ныло. Она достала из своего бельевого ящика комода в спальне пачку тоненьких сигарет, сунула в карман большого пушистого халата телефон и вышла на дальнюю лестничную площадку. Там стоял старенький пуфик, железная баночка от маслин – уютно и чисто. Их дом считался престижным, был хорошо отделан, регулярно убирался. Татьяна Петровна курила редко и в одиночестве. Это было ее личное пространство и время, куда она никого не пускала. Николай не курил никогда, ворчал на Таню, она покорно кивала головой, соглашалась, но тоненькая пачка и зажигалка всегда лежали в косметичке, еще одна пачка и зажигалка – в комоде. После двух сигарет подряд немного закружилась голова, сознание притупилось. Татьяна Петровна вернулась в квартиру. Чипсик мирно спал в своей нарядной собачей «кроватьке» среди книжных стеллажей в холле. Она приготовила себе постель в большой комнате на огромном диване. Когда-то давно изначально здесь планировался кабинет для молодого перспективного ученого – Тани Видовой, но план так и не реализовался. В комнате принимали гостей, на стене висел самый большой в квартире телевизор, стояли удобные кресла. Маленький легкий компьютер прекрасно помещался на подставке на коленях. Сидеть в мягком кресле было значительно удобнее, чем за письменным столом. Недавно Татьяна Петровна ушла на пенсию и наслаждалась свободой. Иногда она спала здесь, в большой комнате, когда болела. Это значило, что неделю ее разрывал сумасшедший насморк или когда «к погоде» сильно ныла поясница. На диване появились изысканные спальные принадлежности, красивое и очень дорогое постельное белье. У Татьяны был культ постели. Это передалось от мамы и с годами достигло совершенства. Она посмотрела на часы – они показывали 03-54, схватила телефон, через 02 узнала номер информации о несчастных случаях, Николая Александровича там не было.

Она попыталась заснуть. Не получилось. Она встала, накинула халат, на кухне из холодильника достала валокордин, начала капать в аптечную рюмочку, но руки дрожали, капли не капались, она с раздражением ногтем отковырнула капельницу, ноготь больно отломился, она прямо из пузырька налила полрюмки лекарства, разбавила водой из кувшина и резко проглотила. На мгновение перехватило дыхание, она запила водой прямо из кувшина. Покопалась в аптечке, нашла снотворное, приняла таблетку. Захотелось еще курить, вышла на лестницу, выкурила еще три сигареты, ее зашатало. Татьяна Петровна, держась за стены, аккуратно дошла до квартиры, закрыла входную дверь на замок, держась за стеллажи, через холл дошла до дивана, сняла и положила на кресло халат, пушистый, нежно-сиреневый, с атласными манжетами. Калачиком свернулась под одеялом и стала думать о Кольке. С этими мыслями она заснула тяжелым беспокойным сном.

Николай Александрович Большаков – коренной москвич, отец – прораб на стройке, мать – технолог в мелком НИИ, старший брат, лоботряс, закончил семь классов школы и пошел к отцу на стройку. Николай до восьмого класса был троечником, на уроках появлялся не часто, он четко представлял свое будущее – строек в Москве было много. В восьмом классе, в конце сентября, он случайно забрел на урок физики. На улице был дождь, а ключ от маленькой двухкомнатной квартиры в «хрущевке» в Бескудникове он забыл на гвоздике в прихожей. Учитель, Юрий Васильевич, с удивлением обнаружил нового ученика, ничего не сказал, только положил на парту «Учебник физики» для 8 класса.

И Колька – пропал. Мир для него остановился, осталась одна физика. Учебника хватило на месяц. Немного тормозила алгебра, но к Новому 1964 году она была побеждена. Юрий Васи-

льевич приносил из дома толстые учебники, задачки, дополнительную и прочую литературу по физике, математике, физической химии, все это сгорало в голове Кольки, как в жерле вулкана. После окончания восьмого класса педсовет школы единогласно решил направить Кольку в специальную физико-математическую школу при Высшем техническом училище. Позже училище получило статус университета. Кольке надо было сдать вступительное собеседование. Оказалось, что на каждое место в школе 15 или 20 претендентов. Это называлось – «конкурс». Было непривычно и боязно. За собеседования по математике, физике, химии он получал пятерки с плюсом и восклицательным знаком на полях ведомости. В диктанте было 18 ошибок. Формально – Кольку следовало вычеркнуть из списка претендентов. Мнения членов приемной комиссии разделились. Слово взяла учительница русского языка Дина Григорьевна Мельникова, Заслуженный учитель СССР. До этого она безмолвно сидела в дальнем углу большого стола для совещаний педсовета в кабинете директора школы – кандидата педагогических и доктора физико-математических наук одновременно. Дина Григорьевна тихим голосом начала говорить:

– Я запомнила этого мальчика лучше всех других детей. Назвала его про себя – маленький Гаврош.

Вдруг ее голос громко зазвенел на весь кабинет:

– Вы видели, **как и во что** одет этот ребенок, из какой он семьи?!

Кто-то из учителей возразил, что он москвич. Дина Григорьевна продолжала:

– Вы думаете, в Москве нет бедных, деклассированных семей! Это была почти крамола!

Директор замахал руками и громко сказал:

– Мы обязательно выясним социально-бытовые условия, – он посмотрел в протокол собеседования, – Николая Большакова.

Дина Григорьевна продолжала:

– Я обещаю, итоговый диктант за первое полугодие будет написан без единой ошибки, – она сделала паузу и продолжила уже своим обычным тихим голосом, – этот мальчик – гений, о нем узнает весь мир, мы будем им гордиться.

Кольку поселили в интернате для иногородних талантливых детей. Правда, до этого мать Николая получила «заказное письмо» из РОНО, прочитала его вслух отцу, оба ничего не поняли, кроме того, что Кольку «сажают в интернат». Мать философски заметила, что давно пора, а то болтается незнамо где, и не прокормишь. Колька запихнул в старенький, солдатского образца, рюкзак скромные пожитки, сунул под мышку Сашкину куртку и на автобусе, потом на метро отправился в новую жизнь.

Колька с блеском закончил школу. Почти без экзаменов был зачислен в училище, получил место в студенческом общежитии и семимильными шагами отправился в Большую науку. «Красный диплом», аспирантура, должность доцента на кафедре теоретической физики, стажировка во Франции, в университете Сорбонна – это целый год в Париже, пролетели как один день. Колька вернулся в Москву европейцем и снобом. Ему было двадцать семь лет. Он учил физику юных гениев. Иногда на «потоке» попадались девочки, все, как одна, бледненькие, худенькие, в очках с толстыми стеклами. Их Николай Александрович жалел и считал в душе убогими. Начал работать над докторской диссертацией. Это было серьезное, а многим коллегам, просто непонятное исследование. От училища как выдающийся «молодой специалист» он получил однокомнатную квартиру в новом зеленом районе Москвы. За один из «обыкновенных», с точки зрения Николая, проектов Международный Комитет по исследованиям в области ядерной и теоретической физики присудил почетную премию. Колька купил новенькие «Жигули». Квартиру он оборудовал просто и строго. Получилось стильно и современно.

Из Парижа молодой ученый привез не только новые знания, идеи и проекты, но и новый, европейский, стиль жизни. Он модно, но строго одевался, безукоризненно следил за своей внешностью, занимался спортом. Он был хорош собой. Высокий шатен с карими глазами, мяг-

кой и в то же время ироничной улыбкой, точной и немногословной манерой говорить, он подчинял своему обаянию женщин всех возрастов. Конечно, у Николая были подруги, в основном старше его, некоторые замужем. Но эти связи, или, как их называл Николай, «дружба», не занимали в его душе ни микрона площади и или объема. Выдающийся молодой физик понятия не имел, в чем измеряется душа.

В один из сереньких дождливых дней начала июня – учебный процесс уже закончился, начались зачеты и экзамены, Николай Александрович сидел на кафедре и подписывал экзаменационные ведомости. Все преподаватели разошлись, он посмотрел на часы с календарем и вдруг вспомнил – завтра у отца день рождения. Тем более, после очередной поездки в Париж, он так и не был у стариков, сумка с подарками для родных уже полгода стояла на антресолях. «Завтра» была суббота. Николай купил большой торт – повезло, с утра «давали» в гастрономе, бутылку дорогого коньяка, достал сумку с дарами Парижа и отправился в родной дом. Стыдно подумать, он там не был уже несколько лет, но как только стал доцентом, пересылал матери на пенсионную книжку небольшую сумму денег. Он понимал, чем больше денег он даст, тем больше брат Сашка будет пить. Иногда, перезванивался с матерью, разговор сводился к ее жалобам, что отец болеет, скоро помрет, Сашка пьет «вусмерть», у нее нет сил держать швабру, потом начинались всхлипывания, и Николай торопливо заканчивал разговор. Как только подошли пенсионные годы, мать с радостью ушла из НИИ, который успешно разваливался, стала работать уборщицей в ближайшем продуктовом магазине. По крайней мере, дешевая колбаса и сыр стабильно присутствовали на кухонном столе, а хозяйственное мыло и стиральный порошок – в маленькой ванной комнате с давно уже отвалившимся кафелем и криво натянутыми веревками для сушки белья. Мать всегда была очень плохой хозяйкой. Тем не менее, Николай с трепетом и волнением несся на белых «Жигулях, в белом французском костюме к самым своим родным, которых так давно не видел.

Николай вошел в знакомый подъезд. Стены облупились, пахло кошками и старым мусором. Прыгая через две ступеньки, как в детстве, он оказался перед знакомой дверью, обитой выцветшим дерматином. Звонок болтался на одном проводке, второй проводок торчал из стены. Не надо быть физиком, чтобы понять, что звонок не работает. Николай постучал, дверь открыла мать. Она настороженно спросила:

– Вам каво надо?

На мгновенье Николай оторопел, глубоко вздохнул и вошел в квартиру – прямиком на кухню. За столом, накрытым той же клеенкой, что была в детстве, сидели отец и Сашка. Мать испуганно семенила за «незнакомцем». Отец, сразу знал «младшего». Раскинул руки, хотел встать, но не смог, громко закричал:

– Колька, сынок, наконец, приехал.

Мать заплакала:

– Ой, Коленька, а я тебя не узнала.

Сашка поднял пустые пьяные глаза и пробормотал:

– Водки принес?

Николай стоял с сумкой в руках и не знал, что говорить и что делать. Мать пролепетала, что у отца день рождения, может – последний, они вот и празднуют. Николай радостно улыбнулся, поставил сумку на стул, аккуратно отодвинул нехитрую закуску на столе и водрузил огромный торт. Коробка занимала почти половину пространства. Рядом поставил армянский коньяк. Матери вручил красивую бумажную сумочку. Она с удивлением повертела крохотный пакетик, извлекла оттуда белую коробочку размером с маленький кусок мыла, на нем было что-то написано не на русском, и стояла цифра 5. Мать спросила:

– Чевой-то?

Николай с волнением взял коробочку, отлепил целлофановую пленку, достал квадратный флакончик и слегка брызнул мамульке на шею.

– Ма, это лучшие в мире, французские духи, Шанель № 5!

Мать поморщилась и проворчала, что лучше бы новый халат купил, сунула коробочку на подоконник, где стояла грязная кастрюля, два облупленных горшка с засохшей геранью и что-то еще. Николай только сейчас с ужасом увидел все убожество этого жилья. Через год, на поминках отца, Николай случайно заметит злосчастную коробочку, она стояла на том же месте.

Отцу он вручил пакет со свитером из дорогого трикотажа с изображением Эйфелевой башни. Отец обрадовался как ребенок, долго разглядывал картинку, потом с трудом стянул давно не стираную рубаху, Николай помог надеть обновку, кофта, на удивление, идеально подошла отцу, он даже как-то помолодел. Сашка сидел за столом молча, опустив глаза. Лицо было лилово-красное.

Николай достал из сумки довольно большую, яркую коробку и глянцевый пакет, похожий на обложку журнала «Огонек». Он окликнул:

– Сашка, ну иди же сюда! – и первый вошел в комнату своего детства. Комната оказалась очень маленькой. Те же выцветшие обои, люстра с разбитым плафоном. Слева от двери его, Колькина, раскладушка, прикрытая куском неподшитого гобелена. На раскладушке лежал старый ватный матрас, и комья сбившейся ваты сквозь тонкую простынку больно впивались в тощие Колькины бока, из хлипкой подушки вылезали перья и острыми кончиками больно кололи щеки, шею, худенькие плечи. Впрочем, в детстве эти мелочи мало что значат и быстро забываются. За раскладушкой была дверь в кладовку, заваленную всяким хламом. Эту дверь никто никогда не открывал. Маленькому Коле казалось, что там живут химеры. Где он услышал это слово, и что оно означало, он не знал, но иногда ему бывало очень страшно. Про химер Колька никому не рассказывал. Напротив раскладушки на стене висел маленький секретер – изобретение «Мебельпрома» начала 60-х годов. Видимо, он предназначался для домашних уроков, но за ним никто так и не учился. Сашка не учился вообще, а Колька сначала тоже не учился, потом с восьмого класса стал заниматься только в школе. Учитель физики, Юрий Васильевич, сделал Кольке второй ключик от лаборантской комнатки кабинета физики, строго-настрого запретил кому бы то ни было об этом говорить, и Колька после уроков, когда вся школа гурьбой вылетала на улицу, тихонечко шел в свою «заветную обитель», где он делал уроки и читал. За восьмой класс он перечитал всю школьную библиотеку, начиная с детских сказок и до «Войны и мира». Два тома великого романа были прочитаны от первой до последней строчки. Любопытно, что все диалоги на французском языке и их переводы Колька запомнил наизусть. С этого началась его любовь к французскому языку. В старших классах, уже в физико-математической школе, он выучил, кроме французского языка, английский, немецкий, в училище увлекся арабским языком.

Домой Колька уходил после девяти вечера, когда завхоз обходил школу. Он один знал про обитателя лаборантской, тихонечко стучал в дверь и Колька отправлялся восвояси. Где он пропадал целыми днями, чем занимался, дома мало кого интересовало. Колька, придя домой, доставал из старого круглого холодильника «ЗИЛ» холодную жареную картошку и кусок вареной безвкусной колбасы или такую же безвкусную магазинную котлету, проглатывал все это, запивая чуть теплым разбавленным чаем, и заваливался спать. Утром просыпался бодрым, веселым, съедал тарелку манной или рисовой каши с плавающим в ней куском обжаренной, все той же вареной колбасы. Он хватал портфель, на ходу натягивал старую Сашкину куртку и бежал в школу. У Николая было несколько врожденных уникальных черт характера, ведь его, по сути, никто не воспитывал, а в восьмой класс на урок физики он пришел готовой зрелой личностью. Во-первых, Коля никогда никуда не опаздывал, хотя первые часы у него появились на четвертом курсе училища. Он получал повышенную стипендию, делал научные переводы для толстых академических журналов, стал публиковать свои научные статьи. За все это неплохо платили, и Колька купил в ЦУМе первые свои часы «Полет», в хромированном корпусе, с римскими цифрами на плоском циферблате и мягким кожаным ремешком. Во-вторых,

он обладал уникальной зрительной памятью. Увидев что-то или кого-то, он запоминал увиденное и мог воспроизвести с абсолютной точностью.

Николай продолжал осматривать комнату. Сашкин топчан так и стоял необрунным. Стоял он около теплой стены, которая по замыслу архитекторов-новаторов должна была заменить допотопные чугунные батареи и сэкономить тем самым бесценные квадратные сантиметры жилой площади. Но стена давала тепло только Сашкиному топчану, и в холодные зимы все остальные обитатели квартиры отчаянно мерзли. Около топчана, вдоль окна, стоял облупленный полированный комод с ящиками без ручек. Это было что-то новенькое. На комод красовался проигрыватель «Вега» с двумя мощными деревянными колонками. Рядом на табуретке – небольшая стопка пластинок. Колька обрадовался, он попал в точку с подарком. Впрочем, он так и не сказал семье, откуда и почему подарки. Николай вовремя понял, что об этом говорить не стоит. Сашка тяжело встал из-за стола, сделал пару шагов и остановился в дверном проеме, облокотившись на косяк двери. Закурил папироску без фильтра. Николай распаковал новенькую коробку, в ней находился не очень большой, но самый современный японский магнитофон «SONY», из пакета достал подставку, в которую были закреплены 24 маленькие, как сигаретная коробка, аудиокассеты с лучшими и самыми модными эстрадными произведениями. Понятие «хиты» в Советском Союзе еще не существовало. Николай вставил тоненькую вилку магнитофона в подозрительно болтающуюся розетку и стал объяснять Сашке, как работает эта штукавина. По квартире поплыл чарующий голос Джо Дассена. Сашка противно облизал губы, по-хозяйски подошел к «японскому чуду» и с силой крутанул регулятор звука. Джо Дассен заревел сотнями децибел. Через минуту с разных сторон в стены застучали соседи. Мать, стараясь перекричать магнитофон, требовала прекратить это безобразие. Иногда она могла быть очень строгой. Сашка послушно ткнул одну кнопку, другую, еще одну, магнитофон странно зашипел. Николай пытался достать кассету, наконец, ему удалось. Кассета была вся «зажевана» и порвана. Вдруг «потянуло» горелой проводкой, это дымилась розетка. Николай выдернул вилку, дым прекратился. Магнитофон окончательно погиб. Братья молчали. Мать вошла в комнату, прищурилась, посмотрела на «остатки роскоши» и важно произнесла:

– И, слава Богу, пластинки – оно-то лучше. Пойдемте за стол, надо отца поздравить. Все подошли к столу. Колька, в белом костюме, долго не решался сесть на засаленный стул. Мать, заметив его смятение, схватила не менее грязное полотенце, потеряла стул и насмешливо произнесла:

– Извольте, господин хороший.

Мать налила всем по полстакана водки, на торт и коньяк, никто не обратил внимания, все чокнулись и дружно выпили. Мать спросила:

– Колька, а ты что не пьешь, больной что ли?

Николай ответил, что он за рулем. Слова прозвучали как выстрел. Сашка еще больше покраснел и лениво поинтересовался, что, мол, своя или покататься взял. Колька ответил, что машина своя, «Жигули» последней модели, белого цвета. Недавно купил в «Березке» на «чеки». Все долго молчали, обдумывая ситуацию. Вдруг мать с перекошенным лицом завизжала:

– Так ты у нас богатенький, мы тут почти голодаем, а он на белых «Жигулях», да в белом костюме с б... разъезжает!

Она со злостью ткнула кулаком по коробке с тортом, коробка легко проскользила по клеенке и столкнула со стола коньяк. Бутылка – вдребезги, коньяк медленно растекался по полу маленькой кухни. Николай спокойно встал, вышел из-за стола, перекинул через плечо пустую сумку, внимательно посмотрел на такие родные и такие страшные лица и тихо вышел из дома.

Ехать удобнее было по кольцевой дороге. На полпути Николай съехал с дороги в прозрачный, нежно-зеленый лесочек, заглушил мотор, положил руки и голову на руль и заплакал.

Первый раз в жизни. Крупные слезы капали на белые брюки. Через какое – то время стало полегче. Николай выехал на трассу и через полчаса был дома. Впервые он так остро почувствовал, какое это счастье – иметь свой дом. Он его честно заработал. Он долго стоял под душем, пуская то холодную, то горячую воду, потом залез в огромный, до пят, махровый халат, подогрел в кастрюльке литровый пакет молока, долго пил его, аккуратно наливая в белую кружку с изображением смешной «счастливой коровы», неофициального символа Швейцарии, куда он недавно ездил на симпозиум. В детстве в его доме никогда не было молока, и теперь уже не Колька, а Николай и все чаще – Николай Александрович наверстывал упущенное, он день не мог прожить без молока.

Было уже поздно, но на улице не темнело. Начало июня, почти белые ночи. Николай разложил широкий мягкий кожаный диван, постелил лиловое, в черных разводах шелковое постельное белье и сладко растянулся в предвкушении сна. Но сон не шел. Николай подумал, нет, ощутил, понял с абсолютной точностью сильного, аналитического ума, что он одинок, абсолютно одинок. И еще, Николай понял, что он больше никогда, ни при каких обстоятельствах, не наденет никакой белой костюм.

Прошел год. Как один день. Еще два года – два дня.

1979 год. Начало июня.

В понедельник, как всегда, бодрый свежий и элегантный Николай Александрович в 8-45 утра уже сидел за своим столом в большой комнате кафедры теоретической физики и готовился к лекции. Сегодня две пары – заключительные лекции, затем три семинара-консультации, после обеда – четырехчасовой спецкурс по первому андронному коллайдеру (ускорителю ядерных частиц), запущенному в 1971 году в швейцарском городке Церн. Николай был доволен, день будет прожит не зря. В перерыве между лекциями к лектору, доценту Большакову, подбежала запыхавшаяся лаборантка кафедры Светочка.

– Николай Александрович, Вас срочно вызывает ректор!

Николай удивленно поднял брови.

– У меня еще одна пара, потом три семинара.

Лаборантка затараторила:

– Ректор велел перенести лекцию, сказал, что разговор будет долгим!

Николай еще более удивленно пожал плечами и начальственным тоном, важно произнес:

– Светочка, объявите перерыв и смотрите, что бы будущее науки не разбежалось по кабинам. Отвечаете жизнью!

Светочка покраснела, Николай, недовольный, что прервали лекцию, поплелся в другой конец огромного здания – в ректорат. Секретарь ректора вежливо сказала:

– Вас уже ждут.

Ректор училища, выдающийся прогрессивный ученый, лауреат многих советских и международных премий, академик Академии наук СССР и ряда зарубежных академий встал из-за большого письменного стола, когда в кабинет вошел Николай, жестом предложил расположиться в креслах за журнальным столиком. Секретарь принесла чай, сухарики и минеральную воду. Николай насторожился – что бы все это значило? В спокойном, доброжелательном тоне ректор стал расспрашивать Николая о научных планах, подробно интересовался ходом диссертационного исследования, о научной и практической базе, спросил, в чем нужна помощь. Николай недоумевал и даже слегка заволновался. Приблизительно через час после начала беседы ректор тяжело встал из глубокого кресла, медленно пошел по большому кабинету, и, наконец, произнес:

– Ректорат и партком училища рассмотрели мое предложение о назначении Вас, Николай Александрович, заведующим кафедрой, на которой Вы успешно трудитесь. Семен Семенович Заболотский по личной просьбе, да и по возрасту переходит на должность профессора, – рек-

тор сделал небольшую паузу, – и далее, я рекомендовал Вас на должность проектора по международным научным связям.

Он обреченно добавил:

– Кроме Вас – некому. Эти предложения мы вынесем на рассмотрение большого ученого совета. В четверг Горком партии дал «добро».

Ректор налил в бокал минералки, сделал несколько глотков и устало сел в кресло за письменный стол. Николай молчал. Вдруг громко, через весь огромный кабинет ректор почти прокричал:

– И не говорите, что Вы подумаете! Наука – выше наших эмоций! Вы – молодой, сильный. Справитесь. И еще – самое главное. Вам двадцать девять лет, Вы знаете три иностранных языка.

– Четыре, – поправил Николай.

– А какой четвертый? В личном деле указаны только три – французский, английский и немецкий, – нахмурил брови ректор.

Николай не раздумывая, ответил:

– Арабский, это так, для себя, ведь арабы придумали цифры!

В его голосе прозвучал детский восторг.

Ректор продолжал:

– Тем более, восточный язык.

Про себя он подумал: «Этот Большаков – или сумасшедший, или гений, ради десяти цифр выучить арабский язык!» И остановился на второй гипотезе – о гении. Ректор долго молчал, затем заговорил строго и официально:

– Товарищ Большаков, учитывая Ваши предстоящие назначения, а главное, то, что наше учебное заведение имеет не только образовательное значение, но и военно-стратегическое, Вам следует вступить в ряды Коммунистической партии. Вам, кажется, давно исполнилось двадцать восемь лет. Вопрос с Горкомом КПСС и Министерством уже согласован. Ваша кандидатура – одобрена.

Николай легко встал из кресла, тихо произнес:

– Я согласен, – посмотрел на часы, – я могу идти, у меня семинар через две минуты начинается.

Ректор махнул рукой.

Николай вышел из кабинета, и первый раз в жизни почувствовал, что у него кружится голова. Секретарь ректора, солидная дама с химической завивкой «мелкий барашек» участливо спросила:

– Ну что?

Николай сделал «круглые глаза» и громко прошептал:

– Кошмар, – развернулся на каблуках и вышел из приемной.

Секретарь сокрушенно покачала головой.

Остальная часть дня прошла по намеченному расписанию. И только поздно вечером, когда дома Николай допивал вторую кружку теплого молока, ему показалось, что корова на кружке улыбается во весь коровий рот и мычит: «Так тебе и надо, пижон, теперь света белого не увидишь».

В четверг большой ученый совет единогласно за все проголосовал, партком училища утвердил. Николая поздравляли, хлопали по плечу, а про себя думали: «Да, влип мужик, тащить два таких воза, да еще диссертация! Сломается или нет?»

Николай отказался от ведения семинаров, которые любил больше всего – там билась свежая научная мысль, иногда наивная, но живая. Семен Семенович торжественно передал ключ от кабинета заведующего кафедрой молодому товарищу. В ректорате приготовили удобный кабинет, с современным многоканальным телефоном, новейшим факсом группы 3, по кото-

рому время передачи информации сократилось с шести до одной минуты. Развесили новые таблички. Первое время Николай чуть вздрагивал, когда читал свою фамилию на дверях, потом привык и перестал замечать. Он составил гибкий график работы по часам и по минутам: лекции, спецкурс, приемные часы на кафедре по понедельникам и четвергам. Остальные дни – в ректорате, и между делом – диссертация. Но времени катастрофически не хватало, даже если не спать и не есть, а надо еще гладить брюки и стирать. Мудрый Семен Семенович Заболотский предложил нанять домработницу. Николай в ужасе отказался, нет, не из-за денег, их – сколько угодно, просто он **не умел** пользоваться услугами других людей. Даже в гостиницах и заграничных отелях высокого класса он сам убирал кровать и вытирал пол в ванной комнате, затем аккуратно развешивал полотенце на край ванны. Тогда Семен Семенович изрек:

– Пора жениться.

Николай промолчал. Семен Семенович был для Николая не просто коллегой по работе, а учителем и наставником. В студенческие годы – интересный лектор, в аспирантуре – научный руководитель. В душе – как отец.

У Николая уже несколько лет не было отца. Его похоронили в коффе с изображением Эйфелевой башни. Через год после смерти отца у Сашки случился инфаркт. Его чудом спасли. Николай покупал дорогие лекарства, часто ездил к брату в больницу. Мать, как всегда, была всем недовольна, проклинала Сашку, открыто оскорбляла Кольку. После выписки из больницы Саша долго, несколько месяцев, не выходил из дома, он бросил пить, но продолжал без перерыва курить свою «Приму». Мать все так же, в две смены, утром и вечером, убирала магазин. После утренней смены она в своем закуточке, где хранила швабры и тряпки, доставала заветную бутылочку «беленькой», прямо из горлышка выпивала несколько больших глотков и отправлялась домой спать до вечерней смены. Сашка сидел голодный до позднего вечера, пока мать не принесет из магазина «некондицию», обрезки колбасы и сыра, лопнувшие пакеты молока, кефира, упавший с лотков на пол хлеб, а если повезет, то и сдобные булочки. Такая жизнь заставила Сашку, бледного, похудевшего, выйти на улицу. Он устроился ночным сторожем в тот же продуктовый магазин. Николай предлагал матери сделать в квартире ремонт, обновить мебель, но нарывался на крики, слезы, абсурдные обвинения, что ее, мать, родные сыновья хотят выгнать «из дому». Николай оставил родных в покое, только продолжал перечислять матери деньги.

В конце июня, в воскресенье, уже после окончания сессии, Семен Семенович Заболотский в скромном, но уютном ресторане отмечал сразу несколько событий: свое 60-летие, выход на пенсию, звание «Заслуженный работник науки» и еще ряд значимых и достойных событий. Приглашено было довольно много гостей: вся кафедра во главе Николаем Александровичем, начальство из ректората, близкие друзья, некоторые родственники, конечно, жена и приемная, но родная, дочь с мужем и двумя сыновьями-подростками. Гости давно собрались, ждали Николая Александровича. Он явно опаздывал, вернее – задерживался. Наконец, все расселись, был произнесен первый тост, за ним – второй, над столом слышался легкий гул голосов, похрустывание, почавкивание, прихлебывание – банкет набирал обороты. Вдруг примерно половина гостей замолчала и перестала жевать. Это были сотрудники кафедры и ректората. Семен Семенович расплылся в радостной улыбке. В дальнем углу длинного стола как-то сбоку сидел Николай. Семен Семенович стал давать срочные распоряжения официанту, Николая пригласили в центр стола, он долго отнекивался, наконец, ему позволили остаться на прежнем месте, но предоставили слово. Николай достал из-под стола довольно большой пакет из толстой рифленой бумаги с серебристыми шелковыми ручками, из пакета извлек огромную керамическую пивную кружку с барельефами охоты и красивой мельхиоровой крышкой в виде головы оленя. Это чудо он привез из командировки в ГДР. Нажатием маленькой педальки над ручкой крышка откинулась, Николай налил в кружку символически минеральной воды и произнес довольно стандартный тост о полноте жизни, науке, непредсказуемом будущем. Все бурно захлопали.

Николай прошел вдоль стола, вручил подарок юбиляру, вернулся в «свой последний вагон» и решил плотно поужинать. Тем более, меню и карта вин были отменные. Последнее Николая не интересовало, он не пил, потому что слишком хорошо знал, что это такое. И дело даже не в том, что он передвигался по городу только на автомобиле и считал это единственно возможным. Любой сильно выпивший человек вызывал у него физическое отвращение.

Николай увлеченно жевал второй бифштекс, когда к нему подошел Семен Семенович, слегка обнял и веселым умоляющим голосом почти пропел:

– Хватит есть, пойдем, познакомлю тебя с самыми близкими!

Николай нехотя встал и поплелся, если бы он знал, что идет навстречу своему счастью, а он сожалел, что бифштекс теперь остынет. Заиграла негромкая музыка, гости стали танцевать. Семен Семенович представил Николаю жену, дочь, внуков. Мальчишек выдающийся физик потрепал по рыжим и русым вихрам, опустил руки и о чем-то задумался. Юбиляр продолжал:

– А это – мой родственник, между прочим, генерал милиции, заместитель министра Петр Данилович Задрыга. Генерал Задрыга был солидный мужчина в дорогом костюме и ярком модном галстуке. Каменное лицо ничего не выражало. Генерал посмотрел поверх головы Николая и стал изучать пыльную люстру на потолке недорогого ресторана.

– Это Марианна Гавриловна Видова – верная жена и соратница, по совместительству детский врач – Маруся, я не ошибся?

Марианна Гавриловна улыбнулась хищной улыбкой. Это была красивая холеная женщина средних лет в строгом синем платье, сапфировых серьгах, на среднем пальце правой руки сиял невероятных размеров сапфир в окружении крупных бриллиантов.

Николай подумал: «Ну и тетка, не дай Бог такую тещу» – и отогнал от себя эту нелепую мысль. Чуть поодаль от этой колоритной пары стояла девушка или, скорее, девочка-подросток, в сереньком в розовый цветочек платье с короткими рукавчиками, круглым вырезом чуть ниже ключиц. Короткая стрижка темно-русых волос, по-детски пухлые розовые губы, чуть впалые бледноватые щеки. И глаза! Глаза умные, серьезные, с глубоким проникновенным взглядом. Только непонятно, какого цвета: карего, синего, зеленого или серого. На мгновение Николай утонул в этих глазах, но «быстро выплыл». Семен Семенович обнял девушку за талию и произнес:

– А это наша гордость – Таня, вот их дочка.

Он кивнул в сторону величественной семейной пары. Николай, картинно резко опустил голову, взгляд на мгновение остановился, как бы поточнее сказать, на подоле Таниного платья. По всем меркам платье было по-старушечьи длинным, оно открывало только острые, детские коленки, тонкие ноги и узкие щиколотки. На ногах были серенькие туфли без каблучков, бантиков или пряжек. «А может, это домашние тапочки, а туфли она забыла дома надеть!» – с ужасом пронеслось в голове Николая Александровича.

Опять заиграла музыка. По залу поплыл дивный голос Сальваторе Адамо: «Падает снег, наша любовь ушла...». Родители Тани элегантно вальсировали. Семен Семенович больно ткнул кулаком в спину Николая, и тому ничего не оставалось, как пригласить Таню на танец. Николай положил вытянутые руки на худенькие Танины плечи, она неловко вцепилась правой рукой в локоть Николая. В левой руке Таня держала маленькую, в форме книжки, сумочку. Адамо страдал об утраченной любви, а Таня и Николай неловко и бессмысленно топтались на одном месте. Вдруг Таня уронила сумочку. Николай не успел нагнуться, как Таня уже ее подняла. В глазах пробежал испуг. Таня открыла сумочку, достала круглую металлическую пудреницу с яркой инкрустацией на крышке, отщелкнула замок, пудреница открылась. Таня посмотрела на зеркало – не посмотрелась в зеркало, а посмотрела на зеркало.

– Оно цело! – радостно прошептала Таня и как ребенок надула щеки и выпустила воздух со звуком «пффф». Она серьезно посмотрела на Николая и сказала:

– Ведь если разобьется зеркало – это очень плохая примета.

Николай хотел спросить, откуда у нее такое допотопное... Пока он подбирал подходящее, наименее обидное слово, Таня с гордостью сказала:

– Эту пудреницу мне подарила бабуля – на счастье, как талисман.

Наконец, Адамо распрощался со своей любовью, Николай проводил Таню к ее месту за столом. Родители одновременно строго посмотрели на Николая, он почему-то виновато улыбнулся и боком-боком добрался до своего «последнего вагона». Бифштекс остыл, есть не хотелось, он допил из своего бокала выдохшуюся солоноватую «Боржоми» и подумал: «Как слезы». Тихо встал и «по-английски» вышел из ресторана.

На улице моросил теплый летний дождичек. В воздухе стоял пряный и нежный запах цветущей черемухи, сирени, рябины. По крайней мере, так решил Николай, в цветах и кустарниках он разбирался значительно хуже, чем в ядерной физике, вернее, совсем не разбирался. Но этот запах, этот запах... Николай еще немного постоял, помок под дождичком, завел «Жигули» и поехал домой. Дома он аккуратно повесил влажный от дождя костюм. Молока не хотелось. Он лег в свою «райскую» постель и заснул. Николаю редко снились сны, он их не любил. Но сегодня ему не повезло. Николаю снилось продолжение банкета и бесконечный танец с Таней. Она все время роняла свою сумочку. Наконец, Николай ее поднял, засунул в карман пиджака. Он обнял Таню обеими руками, крепко прижал к своему телу и начал целовать. Он целовал ее бледные щеки, пухлые детские губы, тонкую шею с синенькой пульсирующей прожилкой, розовые тоненькие ключицы. Ее острые коленки больно толкали его ноги. Высокая и довольно большая грудь на таком хрупком теле смотрелась невыносимо соблазнительно. Но строгое серое платье в розовый цветочек охраняло Таню как броня.

Николай проснулся. В незашторенное окно ярко светило солнце. Николай почти проспал. Сегодня было назначено итоговое заседание кафедры. Отчет слеппен кое-как, и молодой зав. кафедрой рассчитывал утром на свежую голову привести все в порядок. Но он проспал. Быстро собрал листы отчета, сунул в портфель. На ходу, обжигаясь, проглотил недоваренный кофе – пенка убежала, куски плохо помолотых зерен плавали в мутной воде, прилипали к губам. Машина хрюкнула, дернулась и только потом завелась. В зал, где проходило заседание, Николай Александрович вошел последним, поздоровался, достал неготовый текст отчета. Выступление получалось путаным и скучным. В зале стоял легкий гул, сотрудники вполголоса болтали о своем. Покрасневшая Светочка не знала, что писать в протоколе. Николай перестал говорить, сделал долгую паузу и первый раз в жизни, повысив голос, резко сказал:

– Товарищи, кому не интересно, могут быть свободны.

Гул прекратился, однако Адель Петровна, профессор, самая пожилая сотрудница кафедры, крикнула, нахмурилась и, обращаясь к Семену Семеновичу таким шепотом, что слышали все присутствующие, произнесла:

– Да, нашему гению пора жениться, срочно.

Воцарилась тишина. Николай Александрович обратился к секретарю:

– Светлана, запишите итоговое решение – признать работу кафедры за 1978-1979 учебный год удовлетворительной. Объявить сотрудникам благодарность. Заседание закрыто, всем желаю хорошего летнего отдыха. Вышел из зала и заперся в своем кабинете.

Николай понял, что он очень устал. За этот год столько всего произошло, и эта Таня на вчерашнем банкете... со своей пудреницей.

Кафедра до сентября закрыта, но предстояло много важных, и надо сказать, интересных дел. В 1976 году американская фирма «Apple» выпустила первый компьютер, в 1976 – 1977 годах компьютеры становятся массовым явлением. Николай хорошо знал устройство и принципы работы этих машин, которые предвещали мировую интеллектуальную технологическую революцию. При его непосредственном участии для училища было закуплено несколько десятков самых современных компьютеров. Предстояло с нового учебного года открыть компьютер-

ные классы для студентов и преподавателей. Дома у Николая был компьютер, и он уже полностью освоил эту не сложную для него электронную машину. Ребята-электронщики из деталей и блоков, которые каким-то образом привозили из-за границы, собирали новенькие компьютеры «Apple» и продавали их «через своих людей». Это, конечно, не вязалось с законом. Но какая сила остановит неумолимое движение технического прогресса!

К концу июля ректорат затих. Все ушли в отпуск. Николай Александрович получил в профкоме Училища путевку в Болгарию, на курорт «Золотые пески» на две недели.

Он надел узкие синие американские джинсы, синюю в клеточку рубаху навыпуск, сунул что-то в дорожную сумку, в «duty free» аэропорта «Шереметьево 2» купил итальянские очки от солнца и на следующее утро загорал под ласковым болгарским солнцем. Четырнадцать дней Николай плавал в море, валялся на горячем песке, объедался персиками и виноградом. Он ни о ком и ни о чем не думал. Он не ходил в вечерние бары, а сидел в кресле в номере и по французскому каналу смотрел смешные мультики или бесконечный сериал про Эркюля Пуаро.

Николай вернулся в Москву, загорелый, бодрый, уверенный в себе. Начался новый учебный год. Училище гудело, ректорат зашивался. Все – как всегда.

В конце ноября уже выпал снег и основательно подморозило. Николай стал любить начало зимы. Теплые меховые ботинки, легкая дубленка, финская ондатровая шапка, салон автомобиля с надежным подогревом. Он нравился сам себе и окружающим. Это в детстве с начала ноября и до мая тощий Колька нещадно мерз в старой, выношенной до дыр куртке брата, промокающих ботинках, вязаной шапке, проеденной молью. Николай не любил об этом вспоминать, но сегодня мысли о детстве, не спрашивая разрешения, лезли в голову, больно дергали нервы. Он сидел в своем «кафедральном» кабинете, просматривал тексты лекций на новый учебный год. Пятница, около четырех часов, занятия у студентов закончились, в коридорах – тихо, профессорско-преподавательский состав незаметно растворился в ноябрьских сумерках. Николай Александрович уже заканчивал скучную, но обязательную работу – на каждой аккуратной белой папке с завязочками он писал резолюцию «Одобрю», ставил свою подпись и число, 20 ноября 1979 г. Он наизусть знал каждое слово, чертеж, таблицы и формулы каждой лекции. В дверь тихо постучали, он так же тихо буркнул:

– Входите.

Но никто не входил. Николай решил, что ему послышалось. Что за чертовщина – ему никогда ничего не слышалось, не мерещилось и не чудилось. Стук, такой же робкий, повторился. «Заблудшая студентка» – подумал он и громко рявкнул:

– Входите же.

Перед ним стояла незнакомая девушка. В легкой норковой шубке, белый пушистый шарфик наброшен на шубку под приподнятый воротник, на ногах – высокие, в обтяжку тоненьких ног, бледно-розовые сапоги на высоком тонком каблуке. Большая розовая сумка, из которой торчал пластиковый пакет с логотипом известной, по крайней мере, ему, Николаю, американской торговой сети дорогих магазинов. На волосах и шубке таяли последние снежинки. У девушки были немного бледные, впалые щеки, пухлые губы, огромные глаза непонятного, скорее, карего цвета. Темно – русые волосы были непривычно коротко пострижены, не по стандартам советской моды. Николай все это заметил в одно мгновение. Но он молчал, он просто физически почему-то не мог открыть рот.

Девушка заговорила первой:

– Извините, я Таня. Помните, в июне мы познакомились на банкете у дяди Семы.

Николай обрел самообладание и дар речи. Он серьезно сморщил лоб и спросил строгим голосом:

– А кто такой – дядя Сема?

В глазах девушки мелькнул испуг.

– Извините, я, наверное, ошиблась.

Она, боком, направилась к двери. На мгновение Николай испугался, что девушка уйдет, и он больше никогда ее не увидит. Он почти крикнул:

– Да постойте!

Девушка послушно остановилась.

– Дядя Сема... – Николай смешно стукнул себя ладонью по лбу. – Семен Семенович, профессор Заболотский, – радостно сообщил он как первоклассник, отгадавший трудную загадку.

Девушка утвердительно кивнула головой. Челка на прическе рассыпалась веером по лбу, прикрыла глаза, но они светились сквозь волосы, теперь уже синим цветом. Она продолжала:

– Дядя Сема вчера был у нас в гостях и забыл свой шарф и перчатки. Мама очень за него волнуется, и я взялась завезти пакет на кафедру, а там никого нет. Извините, я Вам помешала. Я немного опоздала, засиделась в «Иностранке». Там попалась очень интересная статья, надо было выписать все важные аргументы, абсолютно по теме моей диссертации, а потом – скользко, я медленно ехала.

Николай машинально спросил:

– На чем?

– На машине. Так Вы смогли бы передать пакет?

– Теперь только в понедельник, – автоматически ответил Николай.

И вдруг он все вспомнил. Душный июнь, банкет, нелепая девочка Таня, ее отец, генерал, похожий на монстра. Мать – просто Императрица Екатерина, взволнованный Семен Семенович. Первый раз в жизни Николая подвела его фотографическая память. Он помолчал. Отпираться было смешно и бессмысленно.

– Таня, а я Вас не узнал.

Таня грустно улыбнулась.

– Да и узнавать-то нечего.

Николай не стал продолжать эту тему.

– Хотите чая или кофе? У меня есть индийский, растворимый.

– Ой, спасибо, этой кофейной бурды я в Америке напилась, на всю жизнь!

– Таня, Вы снимите шубку.

Николай, наконец, встал. Полчаса он, здоровый мужик, сиднем сидел, а хрупкая девушка стояла перед ним и десять раз извинялась. Он подошел к Тане, вежливо взял шубку и шарфик, повесил в стенной шкаф. Перед ним оказалась идеально стройная красавица. На ней было короткое кашемировое платье с высокой стойкой воротника густого зеленого цвета, обтягивающее фигуру. В Европе такая девушка называется «топ-модель». В Советском Союзе – никак не называется. Николай повернул голову набок и долго рассматривал девушку. Наконец, он включил белый пластмассовый кипятильник, похожий на большой кофейник. Вода в нем закипела за минуту. Кипятильник куплен в Швейцарии. Сотрудницы ближайших кафедр приходили посмотреть на это «заморское чудо техники». Николай заварил чай. Светочка перед «убеганием» домой принесла чистый заварочный чайник, две чашки и печенье.

– А зачем две чашки, – поинтересовался начальник.

– А вдруг придут гости, – как всегда, не думая, ехидно ответила Светочка.

Таня сидела на дальнем от стола стуле. Николай накрыл стол.

– Что так далеко, садитесь ближе.

Таня послушно пересела. При виде горячего чая, печенья «Глаголики» и даже шоколадки, у нее загорелись глаза. Таня действительно очень хотела чая, а еще лучше бы вкусно поужинать. Она кивнула на кипятильник.

– Удобная штука, у меня такой в общежитии был. Николай не понял.

– Вы же вроде с родителями живете, с мамой, папой и бабушкой.

– А в общежитии – это когда я в Гарварде целый год училась, весь четвертый курс.

Николай все меньше понимал Таню, и себя – тоже. Таня глотала горячий чай, грызла печенье, беззастенчиво отломилась треть шоколадки. Николай сделал глоток, посмотрел на незваную гостью. Видимо, от горячего чая ее глаза стали темно-изумрудного цвета, зеленое платье еще больше оттеняло цвет глаз.

– Таня, извините за глупый или нескромный, как сочтете, вопрос.

– Я готова открыть все тайны «Мадридского двора».

«Наконец, она хоть немного закокетничала», – почему-то с удовольствием подумал Николай.

– Будьте любезны, объясните мне как физику, каким образом в течение, – Николай посмотрел на часы, – одного часа и двадцати минут, у Вас четыре раза поменялся цвет глаз. В институте у меня по «оптике» была пятерка.

Таня совсем не смутилась.

– Врачи говорят, это редкая особенность сетчатки глаза – оптическая дисперсия. Советуют при ярком солнце носить темные очки. Вот и вся «тайна».

– Но это интригует людей, и, и... сможет свести их с ума, – задумчиво произнес Николай. – Извините.

Раздался громкий стук, в дверях появился вахтер Василич и дежурный милиционер. Училище надежно охранялось. Василич, виновато забормотал:

– Николай Александрович, контора закрывается.

Николай дружелюбно махнул рукой.

– Нам пора, – и с печальной улыбкой, развел руки. Подал Тане шубку, и зачем-то долго поправлял плечи и воротник Таниной шубы.

Они вышли на улицу. Шел пушистый снег. На большой площадке перед главным входом, под фонарем, стояли белые «Жигули» Николая и еще чья-то совсем незнакомая машина, тоже «Жигули», только голубого цвета. Николай мысленно съязвил:

– Никак Василич на премию купил.

Он открыл дверь, достал веник, смахнул с лобового стекла и фар снег и сделал реверанс, приглашая Таню. Однако Таня... Таня сметала снег длинной щеткой, на длинной ручке с голубых «Жигулей». На конце ручки была лопаточка с зубринами, чтобы счищать наледь с лобового стекла. Николай обычно в таких случаях пользовался простой мелкой расческой, зубья быстро ломались, поэтому в «бардачке» валялось штук десять этих расчесок. Николай оторопел. Он подошел к Тане, от работы на морозном воздухе она еще больше разругалась, глаза сияли. Николай, почти заикаясь от удивления, но внешне равнодушно, по-деловому, спросил:

– Так это, что – Ваша машина?

Таня утвердительно кивнула.

– И Вы что, умеете на ней ездить?

– Нет, вожу на веревочке. – Таня завела мотор, чтобы машина прогрелась и вышла из машины. – До свидания, спасибо за чай, было очень вкусно.

Она протянула Николаю свою маленькую руку, обтянутую кожаной перчаткой. Николай обнял ее ладошку обеими руками. Так они и стояли, пока Таня непроизвольно не запрыгала, то на одной, то на другой ноге. Она тихо-тихо вынула руку, села в машину и аккуратно выехала на дорогу.

Таня обожала машины! С детства ее возили – сначала бабушка на огромном «ЗИМе», потом папа на черной «Волге». То есть возили водители, но маленькая Таня смотрела в окно, с трудом дотягиваясь до стекла, крутила руками, представляя, что она крутит руль и **сама едет на машине**. В шестнадцать лет она стала приставать к папе, чтобы он научил ее управлять автомобилем. Петр Данилович любил машины и с радостью начал учить дочь. Но свободного времени было очень мало, и он перепоручил Таню своему водителю, опытному надежному парню. Марианна Гавриловна страшно волновалась, требовала «прекратить это безобразие»,

даже плакала. Но отец и дочь твердо стояли на своем. Таня записалась на автомобильные курсы при ДОСААФ, где изучила устройство двигателя внутреннего сгорания, карбюратора, четырехступенчатой коробки передач. Карточки с «картинками» правил дорожного движения она разгадывала, как ребусы, «Правила дорожного движения» выучила наизусть, на всю жизнь. На восемнадцатилетие папа подарил любимой дочке новые голубые «Жигули» последней на то время модели.

В субботу утром Таня поехала в Библиотеку иностранной литературы. Там был заказан американский журнал, из которого она считала необходимым перевести статью для своей диссертации. Она собиралась провести в библиотеке не более часа.

Когда Таня открыла журнал, приготовила блокнот и ручку, она вспомнила вчерашний визит на кафедру. Николай Александрович готовил чай. Она плохо помнила его лицо, но руки... Он ловко справлялся с кипятивником, аккуратно наливал в чашки заварку из чайника... Его руки – тонкие, с длинными пальцами – делали все быстро, изящно...

Таня потрясла головой, пыталась углубиться в английский текст. Когда она подняла голову, на больших часах в читальном зале было 16-00. Из двух больших листов статьи она перевела одну колонку. Николай Александрович мешал ей. Он появлялся через каждые три строчки текста. Таня безнадежно махнула рукой, сдала журнал и поехала домой.

Марианна Гавриловна очень обрадовалась, что дочка, наконец, так рано вернулась. Она суетливо накрывала ужин, ласково, приговаривая:

–Танечка, я приготовила твои любимые котлетки, пюре и зеленый горошек, а на закуску – вот, семга и греческие маслины из баночки.

Таня взяла вилку, ковырнула котлетку, поклевала зеленый горошек, сказала:

– Мамочка, спасибо, – и быстро ушла в свою комнату.

Диссертацией заниматься не хотелось. Она уютно устроилась на диване и взяла книгу современного французского писателя Марселя Пруста «По направлению к Свану». Это было неожиданное издание книги буржуазного писателя-экзистенциалиста в Советском Союзе. Вся московская интеллигенция сходилась с ума. Книга была о любви. Таня, не отрываясь, читала. Про себя она думала, что такой любви не бывает, не может быть на свете. Постепенно глаза слиплись и Таня заснула.

В воскресенье она встала свежая, веселая. С удовольствием доела вчерашнюю семгу и села работать над диссертацией. На столе лежало огромное количество листов бумаги, исписанных крупным школьным почерком. Таня их разрезала, что-то клеивала, потом перепечатывала на маленькой югославской машинке «Юнис» ярко-рыжего цвета.

О Николае Александровиче она решила больше не думать. Потому что она понимала, что не может быть того, чего не может быть. Тем более, Николай Александрович не оставил свой телефон.

В понедельник с утра она уехала в институт. У нее было две пары лекций в группе аспирантов. Затем она вела семинары у первокурсников. Почти на ходу пообедала в студенческой столовой. Пошла в институтскую библиотеку.

Через две недели у нее предстоял последний и самый сложный кандидатский экзамен по теории управления социалистическим народным хозяйством. Таня вернулась домой в восемь вечера, измученная, уставшая.

Марианна Гавриловна посмотрела на нее взволнованно и как-то загадочно. Дело было в том, что часов в шесть вечера в квартире зазвонил телефон. Марианна Гавриловна взяла трубку в прихожей. Петр Данилович в большой «зале» смотрел фильм о сотрудниках советской милиции, которые раскрыли группу расхитителей социалистической собственности.

В трубке раздался уверенный интеллигентный мужской голос:

– Здравствуйте, Марианна Гавриловна. Это Николай. Можно Таню к телефону?

– Таня еще в институте, готовится к экзамену.

Она сделала небольшую паузу.

– Позвольте узнать? С кем имею честь беседовать?

– Я – новый аспирант кафедры, Николай, я хотел напомнить Тане, чтобы она перекинула мне версию Word на дискету.

Марианна Гавриловна насторожилась.

– Таню вы можете попросить об этом в институте.

Николай пояснил:

– Дело в том, что я сейчас редко бываю на кафедре. Я недавно перевелся из Ленинградского университета. Мой отец получил новое назначение. Он очень занят, целые дни на работе, а у мамы большое сердце. Я вынужден помогать родителям, обустроить новое жилище.

Марианна Гавриловна ехидно поинтересовалась:

– А чем же так занят ваш папа?

Николай, скромно пролепетал:

– Да дело в том, что его назначили заведующим Отделом идеологии ЦК КПСС.

Последовала долгая пауза.

Марианна Гавриловна, подобострастно, прошептала:

– Николай, я обязательно все передам Тане.

На этом разговор почти закончился, но Николай вспомнил, что у Тани нет его телефона.

Он прокричал в трубку:

– Будьте любезны, запишите мой телефон.

Марианна Гавриловна долго ходила и искала листочек бумаги, ручку. Взяла трубку.

– Коленька, я записываю.

Когда Таня ужинала, мама тихонечко подошла к ней сзади и прошептала на ушко:

– А тебе звонил Николай – ваш новый аспирант. Просил срочно перезвонить.

Таня удивленно подняла глаза, встала из-за стола, взяла бумажку с незнакомым телефоном и пошла в свою комнату. Она понятия не имела, ни о каком аспиранте Николае.

Тем не менее, она плотнее закрыла дверь. Телефонный аппарат был с длинным проводом, и Таня перешла в самый дальний угол комнаты. Набрала номер. Раздалась гудки, и она услышала голос Николая Александровича. Таня хотела поздороваться, но ее голос куда-то делся, она пролепетала:

– Аллю.

Николай Александрович уверенно сказал:

– Таня, я очень рад Вас слышать.

– Здравствуйте, Николай Александрович. Я тоже рада Вас слышать. Что-то случилось?

Почему вы звоните?

– Да, случилось. Я должен срочно Вас увидеть.

– Но теперь очень поздно – прошептала она испуганно.

Николай продолжал:

– Тогда завтра в шесть часов мы встречаемся и едем ужинать в одно очень приятное место. Не пугайтесь. Это модный ресторан. Я заеду за вами в институт.

– А у меня во вторник свободный день.

– Тогда я заеду за вами домой, диктуйте адрес.

Таня, не понимая, что делает, объяснила, где она живет.

Николай Александрович строго сказал:

– Спокойной ночи, – и повесил трубку.

Таня долго сидела в кресле. Потом взяла Марселя Пруста, но и он ей не помог. Она отправилась в ванну, долго лежала в теплой воде. Наконец, улеглась спать.

Не надо быть провидцем чужих снов, чтобы понять, что Тане всю ночь снился Николай.

Утром Таня проснулась с четким намерением до пяти вечера закончить параграф диссертации. После завтрака с деловым видом серьезного ученого она уселась за письменный стол, взяла ножницы и стала резать первый попавшийся напечатанный лист. Искромсав его на четыре части, Таня с ужасом поняла, что она испортила готовые тезисы для Конференции молодых ученых. Со слезами, выступившими на глазах от осознания своей собственной глупости, Таня стала перепечатывать испорченные тезисы. Она постоянно делала ошибки и думала только о том, во что она будет одета, когда пойдет в ресторан.

Наконец, мама позвала обедать. Таня нехотя поела, посмотрела на часы, убежала в свою комнату, открыла шкаф и стала мерить подряд все, что в нем висело. На часах было половина шестого. Таня устала от примерок и натянула первые попавшиеся синие американские джинсы, белый мохеровый свитер с огромным воротником «хомут». Воткнула в уши маленькие сережки с изумрудами. Она еще не успела покрасить ресницы, как в дверь позвонили.

Марианна Гавриловна открыла дверь. Перед ней стоял незнакомый, молодой мужчина в расстегнутой дубленке. В руках он теребил ондатровую шапку. Он вежливо представился:

– Николай Александрович Большаков.

Марианна Гавриловна с трудом напрягла свою память так, что на лбу появились морщинки. Она спросила:

– Вы тот, про которого Семен...

Николай Александрович кивнул головой, улыбнулся.

– Да, да, да.

Марианна Гавриловна глупо спросила:

– А вы не аспирант, Коля?

Николай Александрович весело ответил:

– Уже десять лет, как не аспирант.

Из комнаты вылетела Таня, не говоря ни слова, набросила дубленку, быстренько надела меховые ботиночки.

Марианна Гавриловна растеряно посмотрела вслед дочери. Таня весело помахала рукой и послала ей «воздушный поцелуйчик».

За полчаса проехали по улице Горького от Белорусского вокзала до Пушкинской площади и дальше по Пушкинской улице, почти до Дома Союзов. Николай остановил машину напротив очень старого двухэтажного дома, к которому была пристроена станция метро «Прспект Маркса».

Над старинной каменной лестницей с высокими ступенями, уходящими в полуподвал, на арке было написано Кафе «Садко». Таня, крепко держась за руку Николая, недоверчиво озираясь, аккуратно спускалась по древним ступеням. Их встретил услужливый гардеробщик, женщина-администратор провела гостей через весь длинный полутемный зал в дальнюю комнату, скорее похожую на монастырскую келью. Таня, теперь уже с любопытством, вертела по сторонам головой. В общем зале стояли длинные столы из темного, толстого дерева, вместо стульев – огромные длинные скамейки. На потолке висели люстры в виде керосиновых ламп. В «келье» был один такой же, как про себя определила Таня, «доисторический» стол и две скамейки. Тускло светила «керосиновая» лампа. Сквозь окно – бойницу с толстой древней решеткой, были видны двор, занесенный снегом, и фонарь, покачивающийся на ветру.

Официант принес на большом подносе два глиняных горшочка с чем-то очень душистым, и явно вкусным, большой кувшин, в котором оказалась пряно-сладкая медовуха, соломенную корзиночку с крупно нарезанным хлебом. Он вежливо уточнил:

– Кофе и мороженное потом.

Таня сидела молча. Николай, с тревогой спросил:

– Вам совсем не нравится?

Она как-то нараспев ответила:

– Никогда ничего подобного не видела, даже в Америке.

– А как Вас занесло в Гарвардский университет?

Таня засмеялась:

– Папе кто-то из Министерства рассказал, что теперь дети всех крупных начальников учатся в Америке. Видимо, это была шутка после бутылки коньяка. Но папа воспринял всерьез, пошел на прием к министру образования, и летом, после третьего курса, пролетев полмира на самолете, я оказалась в старинном городе Кембридж, в университете, названном в честь Джона Гарварда, английского миссионера и филантропа. Университету больше двухсот лет, – с гордостью добавила Таня. – Там было очень интересно, и учеба, и студенты – все другое. У меня там много друзей.

– А как же язык? – заинтересованно спросил Николай.

– Так, я с пяти лет учила английский, сначала дома, с училкой, потом в английской школе – в Большом Гнездиновском переулке.

Николай одобрительно кивал головой.

Таня продолжала:

– И сама тоже, я люблю учить языки. В институте на первом-втором курсе выучила немецкий, теперь, когда есть время, на курсах учу французский, но времени нет, – удрученно заметила Таня.

Образовалась пауза.

Вдруг Таня, чему-то улыбаясь, стала продолжать:

– Я, как только приехала и немного освоилась, в Бостоне оформила напрокат машину, большой такой «Форд» 1973 года. У меня была стипендия и счет в банке – папа расщедрился. У них там маленьких машин вообще нет. Это, говорят, в Европе машины, как наши «Жигули».

Николай заметил:

– «Жигули», вообще-то итальянская машина.

– Да-да, – закивала Таня. – Я не была в Европе, в смысле в Западной Европе, только в Чехословакии, в студенческом лагере, но Прага – это сказка! А в Америке я объездила все Восточное побережье – от Бостона до Нью-Йорка и Вашингтона. Была во всех музеях, загорала на лужайке перед Белым домом.

Таня резко остановилась.

– Я вам надоела своей болтовней?

Николай прищурил глаза.

– Даже если Вы будете болтать еще сто лет, Вы все равно мне не надоесте.

Таня покраснела. Николай не сводил с нее глаз.

Она открыла крышечку горшочка, переложила часть содержимого в тарелку, понюхала, попробовала и радостно заявила:

– Мясо с грибочками. Обожаю!

Она ела с аппетитом, очень вкусно, изредка поглядывая на Николая.

– А почему Вы... – Таня кивнула на неначатый горшочек.

Николай пожал плечами.

Таня вдруг весело сказала:

– А я про Вас все знаю. Дядя Сема, как только приезжает в гости, сначала играет с папой в шахматы, а потом рассказывает, какой Вы умный и благородный!

Таня опять покраснела.

Николай сразу вспомнил, кто такой «дядя Сема».

– Ну и Семен Семенович, старый сплетник!

Таня испугалась.

– Что Вы. Он Вами очень гордится, он Вас любит, как родного сына. Ведь своих детей у него нет, только приемная дочь. Это после войны они с женой взяли девочку, кажется, племянницу жены дяди Семы, она хорошая, но не своя, – и почему-то добавила, – а я хочу своих детей.

Оба долго молчали.

Официант принес мороженое, шарики пломбира, политые шоколадом, с орешками и печеньем. И маленькие чашечки черного кофе.

Приход и уход любви, как приход и уход весны, лета, осени, зимы можно объяснить теоретически и подтвердить научными фактами, но нельзя ускорить или остановить. Это происходит неожиданно, как снег на голову, – неизбежно и неотвратимо – как гроза в июле.

В девять часов вечера Таня была дома.

Петр Данилович пришел домой где-то в половине восьмого. Марианна Гавриловна услужливо сняла с его мощной фигуры тяжелую генеральскую шинель, аккуратно положила огромную, с красным верхом, каракулевою папаху на столик в прихожей и ласково пролепетала:

– Петенька, ужин уже готов.

Петр Данилович Задрыга прошел в «залу», встал в центре комнаты, поднял голову и стал внимательно изучать огромную чешскую хрустальную люстру. Она сверкала множеством граней. Между хрустальными лепесточками свисали грозди зеленого и бордового стекляннного винограда. Как старый оперативник, Петр Данилович почувствовал, что дома произошло что-то неладное. Слишком ласковой была Марианна, и слишком тихо было в квартире.

Петр Данилович громко спросил:

– А где Таня?

Марианна Гавриловна вышла из кухни. В руках у нее было небольшое резное хрустальное блюдо, на котором веером лежали тонкие ломтики лимона.

Марианна Гавриловна переспросила:

– О чем ты, Петенька, спрашиваешь?

Петр Данилович зарычал:

– Где Таня?

Марианна Гавриловна побледнела и, заикаясь, ответила:

– Таня, а Таня, Таня (она сделала большую паузу) уехала ужинать в ресторан.

Петр Данилович удивился:

– А что, дома есть нечего?

Через мгновение он еще громче зарычал:

– В какой р е с т о р а н, с кем она уехала?

Марианна Гавриловна, крепко держа в руках блюдо с лимоном, прошептала:

– С Большаковым Николаем Александровичем – начальником нашего Семена.

В одно мгновение Петр все понял. Он приблизился к Марианне и тихо, почти шепотом спросил:

– И ты ее отпустила?

Образовалась пауза.

Марианна Гавриловна, наконец, поставила блюдо на стол и посмотрела на мужа. Его лицо было багровым. У Марианны, как врача и любящей жены, проскочила мысль: «Боже, у него поднялось давление».

Петр Данилович, не говоря ни слова, повернулся к серванту и достал из бара бутылку армянского коньяка. Марианна услужливо подала ему хрустальную рюмку на высокой ножке. Петр со злостью смахнул рюмку на пол. Осколки хрусталя засверкали в свете люстры.

Петр Данилович с грохотом открыл стеклянную створку серванта, достал тяжелый, резного хрусталя, стакан с толстым золотым ободком, налил в него почти до ободка коньяка и в один присест проглотил. Налил еще, и снова выпил. Он сунул в рот три дольки лимона, поморщился. В одной из долек случайно оказалась косточка. Обычно Марианна аккуратно кончиком ножа вынимала все косточки из лимона. Петр со злостью выплюнул косточку на пол, посмотрел на жену. Глаза его налились кровью.

Он заорал так, что в серванте зазвенели рюмки:

– Ты, дур-ра, ты с кем отпустила дочь? Ты уже ничего не считаешь, зажала икрой. Дура! Дура!

Он поднял правую руку, сжатую в кулак, замахнулся на Марианну, но с силой стукнул по столу. Блюдо с лимоном подпрыгнуло.

Марианна, пятясь задом, вышла из «залы», зашла в мамину комнатку, села на плюшевый диванчик и, тихо уткнувшись в подушку, заплакала.

Сквозь слезы она слышала, как Юрий Сенкевич – ведущий телепередачи «Клуб кинопутешественников» – рассказывает о своем плавании на тростниковой лодке «Ра». Телевизор работал на полную мощность. Даже толстые кирпичные стены сталинского дома для него не были преградой. На кухне остывал деликатесный ужин.

В девять часов вечера раздался щелчок дверного замка, тихо вошла Таня.

Она повесила дубленку в шкаф, поставила мокрые от снега ботинки на коврик и собралась прошмыгнуть в свою комнату.

В другом конце длинной прихожей она увидела отца. Ей показалось, что папа похож на огромную гору или на кирпичную водонапорную башню. Отец, пошатываясь, подошел к дочери. От него сильно пахло коньяком. Он шепотом спросил:

– Дочка, ты, где была?

Таня по-настоящему испугалась.

Петр Данилович схватил свою любимую дочку за волосы, нагнул ее голову вниз и со всей силой своего огромного тела стал бить Таню кулаком по попе, по поясице. Рука у него была тяжелая. Таня сильно закричала от боли. Отец продолжал колотить дочь. На крик выскочила Марианна. Она пыталась защитить дочку. Петр грубо, в плечо, оттолкнул ее, повернул Таню и, схватив ее за воротник свитера, наотмашь стукнул по лицу. На бледной худенькой щеке Тани сразу выплыло ярко-красное пятно.

Петр опустил руки. Он зло посмотрел на дочь и прорычал:

– Ты с кем пошла, шлюха? Разве я тебя растил для этого ублюдка? Я сотру его в порошок. Я уничтожу его. Он на Колыме лес валить будет!

Таня, молча, стояла. В глазах у нее не было ни слезинки.

Марианну трясло крупной дрожью.

Петр резко повернулся и направился в «залу».

Таня спокойно пошла в свою комнату.

Марианна засеменила вслед за дочерью.

Таня повернулась, посмотрела маме в глаза и тихо сказала:

– Мама, не надо, – и закрыла за собой дверь.

Таня кое-как стянула с себя джинсы, свитер, бросила всю одежду на пол и с головой завернулась в одеяло. Она слышала знакомые позывные программы «Время», голос диктора Юрия Балашова и заснула.

Марианна осталась ночевать на маленьком диванчике в комнате мамы. Она поняла, что больше никогда не войдет в свою огромную роскошную спальню.

На следующее утро Таня проснулась позже, чем обычно. Болела голова. Сильно тянуло поясицу. Она вылезла из-под одеяла, посмотрела на себя в зеркало. Все ягодицы и верх поясицы были в страшных синяках. Огромное пятно на щеке стало приобретать лиловый отте-

нок. Глаз отек и превратился в узенькую щелочку. Таня закуталась в толстый махровый халат, сидела на кровати и ждала, пока уйдут родители. Сначала ушла мама. У нее был утренний прием. Потом, сильно хлопнув дверью, ушел отец.

Таня, крича от боли, вошла на кухню. Около стола в своем инвалидном кресле сидела бабуля. Таня с трудом присела на корточки, положила голову на бабушкины колени и громко, навзрыд, захлебываясь слезами, заплакала. Она плакала долго-долго. Бабуля старческой рукой гладила внучку по голове, слезы текли по ее морщинистым щекам. Она шептала:

– Девочка моя, милая, все пройдет, все будет хорошо, ты ведь у меня счастливая. Я это знаю.

Таня целовала сморщенные, в синих прожилках, руки бабушки. Так они сидели, пока Ольга Михайловна не устала. Таня отвезла бабулю в ее комнатку, помогла лечь на кровать. Старушка задремала.

Было около двенадцати дня. Таня взяла свою розовую сумку, долго в ней копалась и, наконец, нашла визитную карточку с телефонами Николая Александровича.

Сегодня – среда. Значит, Николай Александрович – в ректорате. Она набрала номер. Долго никто не брал трубку. Потом Таня услышала:

– Проректор по международным связям Большаков слушает.

Таня собрала все свои силы, чтобы не плакать, и, как ей казалось, спокойным голосом начала говорить:

– Николай Александрович, извините за беспокойство, у меня, вот такая, такая проблема, я должна уйти из дома, но мне некуда. На вокзале меня поймут милиционеры и отправят домой. Мой папа, он против...

Она начала всхлипывать. Николаю стало все ясно. Он спросил:

– Таня, через час Вы будете готовы? Я за Вами заеду. Я Вас очень люблю.

Он повесил трубку. Таня долго сидела и слушала телефонные гудки. Ей хотелось снова услышать последнюю фразу.

Она встала, с трудом залезла на антресоли, все ее тело разламывалось. Она достала небольшой черный, лаковой кожи, чемодан и большую спортивную сумку с логотипом Гарвардского университета. В чемодан напихала, не глядя, какую-то одежду. На дно спортивной сумки поставила рыжую, печатную машинку, собрала все свои бумаги, десятка три книг, натянула джинсы, белый свитер, пятерней расчесала короткие волосы и тихонечко вынесла в прихожую чемодан. С сумкой оказалось сложнее, она была просто неподъемная. Таня с трудом доволокла ее до входной двери, открыла шкаф, накинула дубленку. Рядом висели ее любимая норковая шубка и белый заячий жакет. Таня не удержалась и сунула их в спортивную сумку. Она зашла в комнату бабули, та спала. Таня долго смотрела на желтоватое, все в морщинах лицо, седые, белые, как лебяжий пух, волосы. Бабуля – это единственный, по-настоящему любимый человек. Когда еще они увидятся? Даже, если Николай ее выпроводит из своего дома, **сюда** она больше никогда не вернется. Звякнул, входной звонок. В дверях стоял Николай. Он, не говоря ни слова, взял в одну руку чемодан, в другую – спортивную сумку. Таня тихо захлопнула дверь.

Они поехали в новую, неизвестную жизнь.

В четыре часа из поликлиники, после трудной смены, еле передвигая ноги на высоких каблуках, вернулась Марианна. Всю дорогу она думала о молодой мамочке, лет восемнадцати, истощенной, убого одетой, которая притащила своего младенца в старом ватном одеяльце без пододеяльника, вместо пеленок – грязные тряпицы и что-то вроде распашонки, на головке, вместо чепчиков и шапочек, был повязан толстый шерстяной платок. Мамочка умоляла дать ребенку направление в ясли. Когда развернули малыша, тот еле дышал, все тельце

было покрыто пылью, глазки – мутные. Температура очень высокая. Вызвали детскую неотложную помощь, а мамочка плакала и умоляла «выписать справку» в ясли.

Марианна вошла в квартиру. В прихожей дверь шкафа – нараспашку, в Таниной комнате – нет одежды, книг и печатной машинки. Таня ушла из дома. Не раздеваясь, Марианна почти упала в Танино кресло. Слезы потекли, смывая обильную косметику с глаз, щек, яркая губная помада превратилась в розовато-красные струйки, похожие на кровь. Это было невыносимо! Материнское сердце разрывалось, стонало. Да, умом Марианна понимала, что Таня когда-то выйдет замуж, но обязательно будет жить в этой квартире. Она станет бабушкой, кому же, как не ей, врачу-педиатру, воспитывать собственных внуков.

Но все получилось не так. Эта дикая выходка Петра, как он мог! Что, вообще с ним происходит? Наконец, Марианна стянула сапоги, скинула тяжелую норковую шубу – очередной подарок мужа, влезла в халат. К маме заходить она не стала – это известие убьет старушку.

В восемь пришел Петр. Водитель втащил в квартиру две огромные коробки, пахнущие вкусной рыбой, свежими огурцами и какими-то южными фруктами. Он бросил на кресло шинель, резко швырнул тяжелые, зимние ботинки. Они с грохотом разлетелись в разные стороны, прошел в «залу», привычным движением налил коньяк в хрустальный стакан с толстым дном (вообще-то для виски, но Петр знать не хотел, стакан, он и есть стакан) и медленно, как пьют теплое молоко, выпил до дна. По телевизору шел репортаж журналиста-международника Валентина Зорина о том, как угнетают негров в США, как бедно живут американские рабочие.

В «залу» вошла Марианна. Петр спокойно встал из кресла, взял свой огромный серый «кейс», «бухнул» его на полированный, с инкрустацией круглый стол. Он долго крутил колесики номерных замков, наконец, извлек несколько страничек машинописного текста. Глядя мимо Марианны, он начал читать:

– Большаков Николай Александрович, род. 1950 г. в г. Москва. До поступления в 1965 г. в физико-математическую школу-интернат при Высшем техническом училище проживал с родителями по адресу: Бескудниковский район, 3-й Заводской переулок, кв. 12. Отец – прораб на стройке, умер в 1977 г. от алкогольного отравления. Мать работала технологом в НИИ картофелеводства, то есть сажала картошку, – пояснил зачем-то Петр Данилович. – В настоящее время – пенсионерка. Работает уборщицей, в продовольственном магазине № 68 Бескудниковского района. Неоднократно получала выговоры от директора магазина за выход на работу в нетрезвом виде. Брат – Александр Александрович, 1946 г. р. работал бетонщиком на стройке, после перенесенного обширного инфаркта – инвалид третьей группы, работает ночным сторожем в продовольственном магазине № 68 Бескудниковского района, злоупотребляет спиртными напитками. Продолжать или хватит? – все еще спокойным голосом спросил Петр Данилович, только глаза постепенно наливались кровью.

– Ты лжешь! – закричала Марианна.

– Нет, деточка, это оперативная информация из Комитета государственной безопасности, которую сегодня по моей просьбе подготовили в Управлении по контролю за творческой и научной интеллигенцией. Его возглавляет Кузьма Васильевич Сидоркин – ты его знаешь, у Юрия Георгиевича на даче, на «шашлыках» встречались, он тебе все ручки целовал.

– Это – ошибка, – простонала Марианна.

– В КГБ не бывает ошибок. Слушай дальше, твой Николай раз двадцать выезжал за границу, в капиталистические страны, у него кругом там «дружки-коллеги». Чуть что, он первый сбежит за бугор, и про Таньку не вспомнит! А, кстати, где она? Пусть почитает про своего «дружка», поганца!

Марианна села на стул, ноги отказывались ее держать. Она глубоко вздохнула и громко, четко произнесла:

– Таня собрала вещи и ушла из дома. Я думаю, к Николаю. И уверена, она больше не вернется. Никогда!

Петр молчал. Полученная информация никак не укладывалась в его голове. Как его девочка, его любимая, единственная дочка, его цветочек, его зайчишка, которую он в детстве катал на своей ноге, кружил под потолком, а она смеялась тонким, звонким, как колокольчик, голоском ушла из дома с каким-то мужиком, скорее всего, изменником Родины.

Лицо побагровело, он заорал:

– Танька, шлюха, стерва, я ее придушу собственными руками. А – этого... – Петр, грязно, выругался, – отправлю на Колыму, лес валить! Я...я.

Петр Данилович прямо из горла допил коньяк, и, шатаясь, пошел в спальню.

На крики из своей комнаты на инвалидном кресле «приехала» бабуля. Она удивленно спросила:

– Что еще у вас?

Марианна подошла к маме, встала перед ней на колени и как могла тихо и спокойно рассказала все, положила голову маме на колени и заплакала. Вдруг она почувствовала, что мама как-то странно вздрогнула, все тело напряглось и тут же обмякло. Лицо побелело. Марианна стояла на коленках и шептала:

– Мама, мамочка... мамочка...

Наконец, она встала, вызвала «скорую». У Ольги Михайловны, случился глубокий инсульт.

Марианна всю ночь не спала. Она кое-как приткнулась на узеньком диванчике. Одеяло все время спадало на пол. Марианне слышалось тихое посапывание мамы, иногда ей казалось, что мама повернулась на другой бок – скрипнули пружины старинной кровати, с которой она категорически не хотела расставаться. В комнате стоял устойчивый запах валерьянки и еще многих других лекарств. Она встала, настезь открыла форточку и вышла из комнаты. Из спальни слышался тяжелый громкий храп, иногда дыхание на секунду-две прерывалось, затем – урчание, хрюканье, чавканье и опять храп. Марианна насторожилась, накинула халат, прилегла на диван в «зале» и стала внимательно слушать. Как врач, она сразу поняла, о – это очень опасно. Надо вызвать «реанимацию» из Центрального госпиталя МВД. Она на цыпочках подошла к спальне, приоткрыла дверь и резко отшатнулась – невыносимый запах перегара ударил в нос. Не стоит торопиться. Вскоре, храп немного приутих.

К утру, Марианна задремала. Сквозь сон она слышала, как гудит электробритва в ванной, затем непонятный звон хрусталя, долго льющаяся вода из крана, громкий стук входной двери. Она вошла на кухню и поняла, Петр хотел попить воды прямо из кувшина, но тот был тяжелый и очень неудобный, вода текла мимо рта, на полу была лужа, тогда он стал пить воду из крана, наливая в стакан. Хрустальный кувшин стоял на самом краешке стола. Марианна отодвинула кувшин и улыбнулась, представляя эту картину. Тут же она вспомнила про маму, стала собираться в больницу. Зашла в спальню, где еще стоял этот ужасный запах, открыла шкаф, огромных размеров, с виньетками и инкрустацией, с трудом нашла наиболее скромный костюм, не стала «делать лицо», наспех перекусила. В прихожей стоял такой же по размерам шкаф, только с двумя рядами ящиков для обуви. Она с трудом нашла «старенькие», с ее точки зрения, полусапожки без каблучков и, вроде, была готова. Сегодня у нее вторая смена, если что, отменят прием. Но Марианна не уходила, она чего-то ждала. Ждала телефонного звонка от Тани, она была уверена, что Таня у Николая. Вспомнила, что когда-то записывала его номер телефона, покопалась в Танином письменном столе и, во втором ящике нашла заветную бумажку. Вдруг, очень громко, так, что Марианна вздрогнула, зазвонил телефон. Нет, это не Таня. Марианна всегда заранее чувствовала, кто звонит. В трубке раздался незнакомый женский голос.

Петр Данилович, как всегда, в 8-30 утра вышел на улицу. Как всегда, его ждала надраенная до блеска черная «Волга». В 9-00 началось совещание у министра Н.А. Щелокова, все присутствующие утвердительно кивали головами. В 10-30 разошлись по кабинетам. Петр Дани-

лович направился к себе, пол в коридоре, по которому он шел, почему-то раскачивался, как палуба. Да, совсем старое здание, но после Олимпиады обещали центральный аппарат перевести в новое – на Октябрьской площади. Он вошел в свой кабинет, сел в кресло и понял, что страшно болит голова. Два дятла уселись ему на макушку и долбят по вискам, а по щекам кто-то гладит раскаленным утюгом. Он встал, достал ключи от сейфа, подумал: «Коньячку, и все пройдет», – сделал несколько шагов и с грохотом рухнул на пол. Через некоторое время со срочной информацией в кабинет вошел помощник зам. министра. Вызвали «реанимацию» из Центрального госпиталя, врачи долго оказывали первую помощь, затем Петра Даниловича увезли в госпиталь.

– Марианна Гавриловна, Вы только не волнуйтесь. Это – доктор Юрасова из госпиталя, у Петра Даниловича сильнейший гипертонический криз.

– Что, инсульт? – спокойно спросила Марианна, – я сама врач, говорите как есть.

– Состояние тяжелое, мы принимаем все меры.

– Я подъеду после обеда, у меня мама с инсультом в больнице.

– Приезжать сегодня не стоит, больной бредит, зовет дочь, грозит кого-то убить. Я буду вам периодически звонить. Держитесь.

Марианна долго сидела в прихожей без единой мысли в голове.

Опять зазвонил телефон. Марианна поняла: это Таня.

СЕМЬЯ

Семья возникает по разным причинам. По любви или по «предчувствию любви». По факту рождения детей. От безысходности. От жалости. От одиночества. По материальному расчету (богатство, наследство, высокая должность, известные родители и т.п.). По стечению обстоятельств, иногда мистических. По другим, часто необъяснимым, причинам.

Семья состоит из двух человек, в основном – мужчины и женщины и, желательно, детей.

Два человека, создающие семью – уже не маленькие, но могут быть еще очень молоды, или любого другого возраста, или с большой возрастной разницей. Но всегда – это личности со своими характерами и привычками. Иногда семьи разрушаются. Формы разрушения семьи – самые разные, от скоропалительного развода до многолетнего совместного пребывания «под одной крышей» чужих, равнодушных или ненавидящих друг друга людей.

Редкая семья доживает в любви «до последнего вздоха».

Николай и Таня едут навстречу своей судьбе всего лишь в «предчувствии любви».

Перед тем, как сесть в машину Николая, Таня еще раз посмотрела на свой дом, большой, красивый, с башенками, скульптурами, огромными окнами и чугунными овальными балконами. Дом построили в 1948 году пленные немцы. В основном в нем жили высокопоставленные военные, известные ученые и заслуженные члены Коммунистической партии.

В этот дом в 1949 году переехали родители мамы, Танины бабушка и дедушка. Дед, Гаврил Тимофеевич Видов, был генералом артиллерии, Героем Советского Союза, родом из Саратова, из богатой купеческой семьи. Торговые лавки и магазины Видовых располагались в луч-

ших местах городских Торговых рядов. На красивой волжской пристани они виднелись издали, отсюда и фамилия «видные», значит, Видовы. После Октябрьской революции родители уехали с первой волной эмиграции в Париж, а шестнадцатилетний Гаврил с восторгом принял советскую власть, вступил в ряды Коммунистического Союза Молодежи, вскоре в ряды ВКП(б) и отправился охранять дальневосточную границу молодой Советской республики. Там он познакомился со своей будущей женой – Ольгой Михайловной, москвичкой, из семьи известных еще до революции врачей. Ольга Михайловна по зову молодого романтического сердца и распределению комсомольской ячейки Медицинского института оказалась на пограничной заставе Советско-Китайской границы. В 1933 году Оля Ванюшкина стала Олей Видовой. Вскоре родилась дочь – Марианна. Через год молодая семья вернулась в Москву. Гаврила Видова по партийному приказу направили учиться в Артиллерийскую академию. Жили на Плющихе, в одной комнате большой коммунальной квартиры вместе с Олиной мамой. Четыре счастливых года пролетели очень быстро. После успешного окончания Академии Гаврил Тимофеевич, учитывая его боевые заслуги на границе – медали и два ордена, был назначен командиром артиллерийского полка в звании полковника артиллерии. Полк базировался вблизи города Свердловска. Ольга Михайловна работала в полковой санчасти врачом всех специальностей, дочка Марианна всегда была рядом.

В 1940 году Гаврила Тимофеевича Видова арестовали по статье «измена Родине».

В ночь ареста мужа, еще до позднего зимнего ледяного рассвета, Ольга Михайловна собрала узелок, в основном детских вещей, взяла буханку черного хлеба, несколько банок консервов «офицерского пайка» и пешком, потом на попутных грузовиках, потом на поезде, в общем вагоне – через месяц добралась до Москвы. До начала Великой Отечественной войны работала в районной больнице. В июле 1941 года ушла на фронт.

Марианну Ольга Михайловна оставила маме. В дом на Плющихе в ноябре 1941 года попала бомба, бабушка Ксения и маленькая Марианна спаслись, успев добежать до бомбоубежища, потом поселились на Якиманке, в крохотной девятиметровой комнате.

До июля 1944 года Ольга Видова служила военным врачом, хирургом на санитарном поезде. О муже ничего не знала. После тяжелой контузии, госпиталя (санитарный поезд попал под бомбежку, ее отбросило взрывной волной, и она чудом осталась жива), Ольга вернулась в Москву, служила хирургом в Военном госпитале в городке Руза, под Москвой. В 1947 году перешла на службу в Военно-медицинский госпиталь им. Бурденко, в Лефортово, на должность начальника хирургического отделения, полковника военно-медицинской службы. На работу ездила на трамвае, каждый день видела свою ненаглядную доченьку и маму.

Во время войны Ольга несколько раз пыталась найти хоть какие-то сведения о судьбе мужа. Наконец, в январе 1945 года получила извещение, что «полковник артиллерии Гаврил Тимофеевич Видов пропал без вести»...

Зимой, в феврале 1948 года, Ольга Михайловна ехала на трамвае на службу. Было очень холодно, Ольга простудилась. Она пыталась отогреться горячим чаем, выпила стрептоцид, но становилось все хуже. Ей доложили, что в карете «скорой помощи» прямо из Генерального штаба Министерства обороны привезли генерала с тяжелой формой аппендицита, возможен перитонит, а молодой хирург-ординатор не знает, что делать, и, вообще, боится оперировать генерала. Ольга Михайловна из последних сил дошла до операционной, провела резекцию аппендикса так, как могла только она. Генерал остался жив и быстро шел на поправку. Ольгу Михайловну почти без сознания, с высокой температурой на госпитальной санитарной машине отвезли домой – лечиться.

Полковник артиллерии, Гаврил Тимофеевич Видов, в телогрейке и рваных сапогах два года строил железную дорогу на Кольском полуострове. В 1942 году его реабилитировали, вернули воинское звание и все воинские награды. За взятие Берлина полковник Видов был

награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза и получил воинское звание генерала артиллерии.

Сразу после реабилитации Гаврил Тимофеевич начал поиски жены и дочери. Наконец, только в 1944 году ему сообщили: «город Москва, ул. Плющиха, дом № 18 полностью разрушен в результате бомбежки в ноябре 1941 г. Большинство жильцов погибло».

Ольга Михайловна проболела простудой две недели. На улице потеплело. Чувствовалось приближение весны. С улыбкой она вошла в старинное, построенное по Указу Петра I здание. Когда главный врач отделения хирургии шла по длинному коридору, навстречу ей, держась за живот, но бодрым шагом направлялся мужчина очень приятной наружности, с поседевшими висками и грустными глазами. На нем были надеты белая «госпитальная» рубашка и синие галифе с красными генеральскими лампасами, на ногах – войлочные тапочки. Ольга Михайловна улыбнулась и заспешила в свой кабинет.

Она уже ознакомилась со всеми историями болезней, но что-то ее беспокоило. На ее вопрос: «А где "история" того, кажется, генерала, которого она оперировала в состоянии полубоморока? Не могли же его так рано выписать?» – ординатор покраснел и достал из нижнего ящика стола «историю болезни». На первой странице крупными четкими буквами было написано: Видов Гаврил Тимофеевич. 1908 г. рождения. Генерал артиллерии. Герой Советского Союза. Адрес: город Москва, ул. Малая Никитская, д. 4. кв. 6. Поступил в...

На мгновение у Ольги Михайловны потемнело в глазах, она потрясла головой и спокойно сказала:

– Пойду, посмотрю больного.

Она еще раз прочитала: Видов Гаврил... взяла «историю» и направилась в седьмую палату.

В палату, где лечился генерал Видов, без стука вошел новый врач. По разговорам медицинского персонала больной Видов догадался, что это и есть тот самый хирург, заведующая отделением, которая спасла ему жизнь. Обычная женщина в белом бесформенном медицинском халате. Под медицинскую шапочку аккуратно убраны волосы, на носу тяжелые, в коричневой оправе очки с толстыми стеклами – так выглядела Ольга Михайловна Видова. Заведующая отделением обвела взглядом палату, все в порядке. Больной сидел на краю койки, болтал голыми пятками, и, запивая чаем, грыз сухарь.

Доктор внимательно осмотрела больного, расспросила о состоянии здоровья.

– У Вас все в порядке, будем готовить на выписку.

Затем она села на краешек стула, спросила:

– Больной Видов, Вы ведь родом из Саратова?

– Да.

– А служили на границе с Китаем?

– Да.

– Там женились?

– Да. – Генерал немного покраснел.

– Родилась дочь Марианна?

– Да.

– А потом – Академия в Москве, танковый полк – в Свердловске, зима 1940? Генерал, то ли прокричал, то ли простонал:

– Да!

Пауза. Ольга Михайловна сняла шапочку, по плечам рассыпались прекрасные светлые волосы, заметные пряди седины только украшали их нежный оттенок. Она положила на тумбочку очки.

– Неужели ты меня не узнаешь?

Генерал, шепотом:

– Олюшка!

Они прижались друг к другу и молчали. Они – не верили.

В седьмую палату заходил ординатор – осмотреть больного, медицинская сестра – делать укол, нянечка – «прибрать» палату. А они сидели, обнявшись, и все еще не верили.

Наконец, Гаврил Тимофеевич спросил:

– А как, Марусечка? (так он называл маленькую дочку).

– Невеста, красавица и умница, – с гордостью ответила Ольга Михайловна.

Больше они не расставались ни на час.

В 1949 году переехали в четырехкомнатную квартиру на Белорусской.

Таня с грустью отвернулась от дома, где прошло такое счастливое детство, и увидела свои голубые «Жигули». Она в смятении замахала руками. Подавляя раздражение, из машины вышел Николай. Ему так хотелось быстрее увезти любимую как можно дальше от этого «Дворца заточения». Таня показала на машину.

– Я ее здесь не оставлю! Я без нее не могу! Я ее люблю! Отец придет вечером и в ярости всю разобьет кувалдой какой-нибудь или вот стоит! Около подъезда стоял лом для колки льда, видимо, дворник забыл прибрать. Эта версия показалась ученому-физику правдоподобной. Таня уже все решила: впереди поедет Николай, а она – за ним. Другого варианта они не придумали.

Проехали всю улицу Горького, через Большой каменный мост свернули на Ленинский проспект. Дальше улиц Таня не знала. Мелькали большие серые «сталинки», потом, справа – хрущевские пятиэтажки, а слева – стройки, опять стройки и пустыри. Наконец, повернули направо и оказались в тихом уютном районе. Белые девятиэтажные современные дома, вокруг деревья, засыпанные снегом.

– Вот мы и дома! – весело почти прокричал Николай.

Таня еле вылезла из машины, от долгого напряженного сидения за рулем сильно болела спина и ягодицы (этого Николай еще не видел), дергало щеку, подбитый глаз от напряжения слезился.

– Это что за район, я никогда здесь не была.

– Юго-запад Москвы, бывшая деревня, а теперь район Беляево, тихо и свежий воздух. Улица, по которой мы ехали, – Профсоюзная, – с гордостью пояснил Николай.

Чемодан, сумка, лифт, 7 этаж. Таня вошла в квартиру любимого. Она не произносила это слово даже мысленно, но это было именно так – любимого, единственного, ненаглядного, самого – самого...

Квартира показалась ей совсем маленькой. Или это – после Белорусской? В маленькой прихожей на стене – обычная вешалка с крючками и открытой галошницей. Таня сняла дубленку и повесила на крючок, с трудом стянула сапоги и приткнула к «дурацкой» галошнице, из которой торчали тапочки. На секунду Тане стало грустно. Николай отодвинул часть стены, напротив галошницы, взял одежду и перевесил в шкаф, а на пол, застеленный черным синтетическим покрытием, поставил обувь. Таня покраснела – ну и балда, не сообразила, что это – не стена, обитая ДСП «под дерево», а большой, емкий шкаф с раздвижными дверьми. Она стояла босиком. Николай нагнулся и ласково надел на ее ноги свои огромные мягкие тапочки. Ногам сразу стало тепло, и она почувствовала, ощутила кожей, что она – дома.

Таня, не раздумывая, как **настоящая женщина**, направилась на кухню. Обыкновенная, современная кухонная мебель, только на окне вместо занавесок – жалюзи, в углу модный двухкамерный финский холодильник. И еще – очень чисто, никакой немойтой посуды и хлебных крошек на столе. На тумбе для посуды стояла смешная белая керамическая кружка, из нее вылезла голова коровы. Таня повертела кружку, на дне прочитала – Женева. Ручная работа.

Таня бережно поставила кружку на пустую полочку над тумбой. В кухне стало как-то красиво. Николай из коридора внимательно наблюдал, нет, любовался Таней. Если прежде, хоть одна из женщин, которые бывали в этой квартире, дотронулась хотя бы до одной вещи или решила помыть посуду, она тут же без объяснений вежливо и навсегда выпроваживалась из дома. Когда Таня переставила его любимую корову, ему понравилось, более того, он пришел в восторг. Таня зашла в комнату. Стены оклеены гладкими, без рисунка обоями, огромный коричневый кожаный диван. Над диваном – гравюры «под старину» с портретами ученых-физиков. Два письменных стола: на одном – компьютер с большим, как ящик, монитором, на другом – гора бумаг. Абсолютно простой (без виньеток и инкрустаций) шкаф, кожаное кресло, торшер, напротив – тумбочка на колесиках и довольно большой японский телевизор. На полу – бордово-гранатового цвета в мелкий геометрический орнамент персидский ковер. На окнах – шторы из плотного шелка на кронштейне, прикрепленном к потолку, люстра. Таню удивило и восхитило почти все в этом доме. Но, люстра! Это была не люстра, а хаотично перепутанный пучок тонких, алюминиевых трубочек, на конце каждой из них прикреплена маленькая, с пуговичку, белая лампочка. Люстра освещала всю комнату веселым, мягким светом.

– Это последнее достижение швейцарских физиков и дизайнеров – галогеновые люстры. Вообще, такие лампы много где используются, – пояснил Николай. Он был горд, счастлив и сиял ярче галогеновой лампы.

Таня очень устала, сильно побледнела.

– Можно я прилягу?

В одно мгновение постель была готова. Нет, это была не постель, а царское ложе. «Пуховая подстилка, что ли», – удивилась она. Чистое белье – черное, в огромных красных маках. Таня с трудом нагнулась, достала халат, ночную батистовую сорочку. Николай вышел из комнаты.

Таня открыла шкаф, там висела одежда Николая: костюмы, рубашки, свитера... свободной была всего одна вешалка. Она пристроила свою одежду на вешалку и, пытаясь закрепить крючок за палку, «ткнулась» носом в плечо костюма. От одежды Николая исходил какой-то удивительный аромат. Таня такого не знала. Да, там был легкий парфюмерный тон, и еще что-то, необъяснимое и притягательное. Таня еще не поняла, что это – запах мужчины, ее мужчины. Она подумала – если бы не мои синяки... Ее бросило в жар. Она легла на диван и мгновенно заснула. Николай сходил к соседям за раскладушкой – якобы племянница из провинции приехала, разложил вдоль кухонных комодов, и боком пролез к холодильнику за молоком. Когда он пил молоко, корова ехидно посмотрела на него и прошипела: «Ну что, жених!» Больше они никогда не разговаривали. Корова – ревновала, а Николаю теперь было с кем поговорить. Он улегся на скрипучую раскладушку, долго не спал, думал о Тане, об их любви – бесконечно счастливой, и о своих будущих детях.

Утром Таня проснулась, как всегда, около восьми, на улице было совсем темно, конец ноября, через месяц – Новый год. На кухне горел свет, она еле вылезла из кровати и в белом махровом халате доплелась до кухни. Николай стоял у плиты, жарил яичницу, в домашних потертых джинсах, полурасстегнутой рубашке в синенькую клеточку. Он повернулся. Рядом стояла Таня. Яичница задымилась, превратилась в уголь, а они не могли оторваться друг от друга. Сковородка окончательно сгорела и угодила в мусорное ведро. Таня и Николай весело засмеялись. На завтрак остался только кофе и две горбушки белого хлеба с маслом.

– Извини, я вчера не успел сходить в магазин, – смущенно оправдывался Николай.

– Мне пора, – он посмотрел на часы, было половина двенадцатого, он безнадежно опаздывал, – сегодня четверг, кафедра в четырнадцать, а до этого много дел.

Он почти собрался, подошел к Тане – поцеловать, как она вдруг заплакала:

– Не уходи, перенеси кафедру на шестнадцать, так часто делают! Умоляю, мне страшно, там что-то случилось, я позвоню маме, и ты поедешь. Больше я никогда не буду просить тебя о подобных вещах. Обещаю на всю жизнь.

Николай покорно сел на галошницу в прихожей.

Таня набрала знакомый номер, трубку тут же взяла Марианна. Таня звонким голосом почти кричала в трубку:

– Мама, я такая счастливая, я у Николая Александровича, то есть у Коли, мы завтракали, а спал он на раскладушке в кухне, у него очень симпатичная квартира, но дело не в этом. Мама я его очень люблю, так сильно, сильно, на всю жизнь.

Николай сидел на галошнице и все слышал.

Таня, видимо, не учла габариты квартиры, толщину стен и открытую в комнату дверь, он бесшумно снял теплую куртку – «канадку» и положил на пол.

Таня продолжала:

– Мама, я буду здесь жить, а ты будешь ко мне в гости приезжать. Ты скажи, ну как-нибудь, бабуле и, она сделала паузу, отцу.

Марианна молчала.

– Мама, почему ты молчишь? Что случилось?

Сердце у Тани забило так, что отдавало в уши и горло.

Марианна тихо ответила:

– Бабушку вчера вечером отвезли на «скорой» с инсультом. Состояние безнадежное. Отца сегодня утром с гипертоническим кризом, так врачи говорят, отвезли в госпиталь. Меня пока просили не приезжать, сказали, делают все возможное. Как твое лицо, синяк проходит?

– Да, мама, не волнуйся.

И повесила трубку.

Таня закрыла лицо руками и громко зарыдала. Николай подбежал к ней:

– Что случилось?

Таня уже не рыдала, а стонала, плечи дергались, она заламывала пальцы рук.

– Я их убила! – кричала Таня, я их убила... убила!

– Кого-кого ты убила, отвечай! – Николай понял, что дело принимает серьезный оборот.

Таня простонала:

– Бабушку и папу, они умирают, врачи им не помогут!

Таню начало трясти, лицо, вернее его здоровая часть, была абсолютно белая. Николай положил ее на диван, истерика только усиливалась. Он вызвал «скорую».

Таня лежала на боку, лицом к спинке дивана. Врач и фельдшер аккуратно перевернули Таню на живот, фельдшер крепко прижал плечи к дивану, она продолжала стонать:

– Я их убила!

Врач приготовил уколы, откинул одеяло, задрал сорочку и оторопел. Он за свою многолетнюю практику видел и не такое, и все же... Все ягодицы и низ поясницы были черно-лилового цвета. Лицо Тани врач заметил, как только вошел. Таню перевернули обратно на бок, она громко застонала.

– Делаем в руку. Быстро!

Таня постепенно успокоилась и через некоторое время задремала. Все это время Николай стоял рядом, на нем не было лица. Врач мерил давление, слушал сердце, одобрительно качал головой.

– Организм молодой, сильный, поправится.

Он кивком пригласил Николая на кухню, прикрыл дверь, сел на табуретку и строго спросил:

– Что, все это, значит? Кто ее так избил? – и, не давая Николаю ответить, продолжал, – я вынужден сообщить в милицию, сейчас буду заполнять медицинский протокол о насильственных действиях. Не с санок же она упала?

Николай рассказал все, что знал. Прежде всего, это его невеста. Николай сам, многого не понимал. Кого «могла убить» Таня? Это – бред. Он сейчас позвонит ее матери и все выяснит. Насчет милиции – торопиться не стоит. Николай объяснил врачу со «скорой» кто отец его невесты. Врач согласился, что, действительно, спешить не надо, сказал, как лечить невесту.

– У Тани мама – опытный врач.

– Очень хорошо, – облегченно выдохнул доктор и быстренько собрал медицинский чемодан. Он, почти бегом, выскочил из квартиры, за ним – фельдшер. Не дай Бог, неприятности будут, по судам затаскают.

После обеда приехала Марианна, осмотрела дочь.

– Николай, дайте аптечку.

Аптечки не оказалось.

– Впрочем, все равно надо идти в аптеку.

– У вас в районе есть аптека? – строго, и, как показалось Николаю, надменно спросила Марианна Гавриловна, – в соседнем доме аптека работает круглосуточно.

Она написала целый лист необходимых медикаментов. У Марианны в сумке всегда лежала небольшая пачка рецептов, со штампом из своей поликлиники, иногда ей приходилось «ходить по вызовам» на дом к больным детишкам.

– Там на рецептах, штамп детской поликлиники из другого района, – Марианна недоверчиво посмотрела на Николая, – если спросят, соврешь, что младшую сестру мальчишки поколотили, мать врача вызвала и в рейс на неделю уехала, проводницей на поезде, а сестра сюда, к старшей, переехала.

Николай «зауважал» будущую тещу.

Марианна Гавриловна приезжала каждый день после работы. Район уже не казался таким далеким и безликим, квартира – такой маленькой и убогой. Она делала уколы дочери, ставила компрессы, чем-то мазала, протирала. В один из дней она приехала позже, чем обычно, вокруг глаз красные ободки, которые бывают от долгих горьких слез. Таня посмотрела на маму и тихо спросила:

– Бабушка? – Марианна кивнула.

Таня прижалась к ее щеке:

– Теперь у меня только ты осталась...

Через три недели Таня была «как новенькая». В очередной вечерний визит, когда Николай уже приехал с работы, Марианна с грустью посмотрела на дочку – вроде взрослая, а еще ребенок, любимый, бесконечно любимый. Что ее ждет? Будет ли она счастлива... Марианна бодро встала с табуретки – пили чай на кухне. Она «отрапортовала»:

– Больной выздоровел, мне здесь делать больше нечего, – она помолчала, посмотрела на Танюшу, на Николая, – будьте счастливы, любите друг друга.

Николай помог Марианне одеться, проводил до лифта.

– До свидания, Марианна Гавриловна, спасибо за все.

Всю долгую дорогу в метро Марианна украдкой платочком вытирала мокрые глаза.

Таня помыла посуду, Николай что-то передвигал в комнате.

А потом была ночь. Их первая ночь любви. И каждая следующая ночь была ночью любви.

В пятницу Николай пришел, прилетел, принесся, прибежал домой с огромным букетом цветов. И это – зимой, в конце 1980-го. Таня сидела на галошнице и снимала сапоги, молния зацепила чулок, и Таня безуспешно пыталась спасти тонкий капрон. Николай ворвался в квар-

тиру, и, не закрыв входную дверь, громко, на всю лестничную клетку, четко, как на экзамене, произнес:

– Татьяна Петровна, будьте моей женой!

И сунул ей в нос цветы, гвоздики, других не было.

Таня встала с галошницы в одном сапоге и запрыгнула на Николая.

– Я тебя люблю! Я сто раз стану твоей женой!

Николай начал говорить:

– Таню...

Таня впилась в его губы поцелуем. Через некоторое время она устало откинула голову.

Николай продолжил произносить начатое имя:

– Юшка – Он повторил – Юшка! Ты теперь для меня, только для меня, будешь – Юшка!

– А, ты... для меня, – Таня задумалась, но тут же выпалила:

– Колька! Мой Колька!

На следующий день они подали заявление о бракосочетании в Отдел ЗАГС Брежневского района, недалеко от дома, около метро Профсоюзная. Торжественного бракосочетания, тем более, свадьбы, решили не устраивать. Таня оставила свою фамилию – Видова, в память о бабушке и дедушке.

Николай согласился, строго добавив:

– Но мой сын будет Большаков.

Таня не спорила.

15 февраля 1980 года Таня Видова, как обычно без опоздания, пришла на кафедру. Все, как всегда, да и в этом костюме – не первый раз. Все присутствующие, как по команде, захлопали в ладоши. Таня покраснела, на безымянном пальце правой руки сияло и сверкало тоненькое обручальное кольцо. После заседания кафедры – чай, торт, поздравления и завистливые, исподтишка, взгляды подружек – какого мужика отхватила!

15 февраля 1980 года Николай Александрович Большаков зашел в отдел кадров, сообщил об изменившемся семейном положении. Когда он вышел из душевой комнаты, молодые и не очень «кадровички» с сожалением посмотрели вслед – какой мужик пропал! Информация просочилась сквозь толстые стены отдела кадров, да тонкое обручальное кольцо на красивой руке Николая было видно «за версту». Ситуация повторилась: чай, торт, поздравления. Ректор подписал приказ «О внеочередной премии...». Семен Семенович обнял Николая.

– Мальчик мой, – и по-старчески, заморгал глазами, – ты нашел золотой клад... бриллиантовые россыпи!

Видел он, что ли, далекое будущее этой семьи, или просто красивая фраза пришла на ум растроганному старику.

Прошел месяц. Молодая семья была счастлива. Марианна радовалась за дочь, Петр ничего не знал. Как-то вечером, между делом, Таня спросила:

– Колька, а у тебя совсем нет родственников?

У Николая потемнели глаза, значит, ему было больно.

– Юшка, у меня есть мать и старший брат.

– Они сейчас живут далеко от Москвы? Ты ведь родился в Москве?

– Нет, они живут в Москве, в Бескудникове.

– Почему ты не знакомишь меня со своей мамой?

– Это очень сложный вопрос.

Николай позвонил матери и сообщил, что женился, в субботу приедет с женой в гости. Два дня, до субботы, Николай, мужчина с крепкой психикой, не страдающий манией ужасов, прокручивал в голове кошмарные сцены встречи матери и Тани.

Собрали два пакета с продуктами, бутылку водки, бутылку шампанского (по настоянию Тани). Часа в три приехали в Бескудниково. Старые пятиэтажки и тополя выше домов. Дверь, как всегда, открыта. В квартире все также обшарпано. Мать вышла в прихожую.

– Меня зовут Валя.

Николай поправил:

– Валентина Ивановна.

Мать сильно постарела. На ней было старомодное, но нарядное и чистое платье. Седые, с рыжими прядями волосы аккуратно зачесаны и заколоты в пучок. Николаю даже почудился запах «Шанель».

– Здравствуй, дочка, проходи.

Валя взяла норковую шубку Тани и долго прикидывала, на какой крючок лучше повесить такое богатство. Из проема двери на инвалидной коляске выехал Сашка, улыбнулся почти беззубой улыбкой, протянул Тане руку:

– Александр, значит, Александрович.

Таня пожала его руку.

– А я – Таня.

В прошлом году Сашке ампутировали ногу, вены не выдержали постоянного курения и дешевого алкоголя. Он был весь седой. «Только на 7 лет старше меня», – с горечью подумал Николай. Он чуть дотронулся до щеки матери, пожал руку брату, вошел в комнату. Его ждал еще один сюрприз: в центре комнаты стоял большой стол, взятый у тети Нины из соседней квартиры. Белая скатерть, приличная посуда, которой Николай никогда раньше не видел в этом доме. Похоже, к их приезду готовились всем подъездом. За столом сидели гости – соседи, которых Колька помнил с детства. Было и новое лицо, Гиви Омарович с женой, полной женщиной средних лет, зачем-то выкрашенной в яркую блондинку. Валя с гордостью сообщила:

– Новый директор нашего «Гастронома».

На столе было на удивление много закуски и «батарея» алкоголя. Когда в комнату вошли «молодые», все захлопали.

Однако Валя взяла за руки сына и невестку, завела их в маленькую комнату, ту самую, Колькиного детства, и строго сказала:

– Встаньте на колени.

Из секретера достала небольшую, очень старую икону Владимирской Божьей Матери, три раза перекрестила молодых и велела поцеловать икону, сначала сыну, потом невестке. Трижды перекрестилась сама.

– Будьте счастливы и живите в любви, и рожайте детей.

Таня заплакала, у Николая появилась испарина на лбу.

Свадьба пела и гуляла. Гиви произносил долгие тосты, проникнутые кавказкой мудростью, дядя Миша, совсем старичок, смешил всех до слез. Много и с аппетитом ели, много пили, потом танцевали в коридоре и на лестничной площадке под Сашкины пластинки. Сашка сказал брату:

– Я твой магнитофон отдал одному пацану, тот обещал починить. Уж года два – ни пацана, ни магнитофона. А мне так жалко, козел я был.

Николай махнул рукой.

Да ладно, я тебе привезу еще лучше.

– А зачем мне, теперь-то.

У Николая застрял ком в горле. Он прижал к себе Сашкину голову и долго не отпускал.

Таня и Николай поблагодарили Валентину Ивановну, Александра, всех гостей за такой чудесный праздник и уехали домой. В машине молчали, каждый думал о своем.

Пришла весна. Март. Капель и лужи днем, ночью и утром гололед. Жена и муж, Видова – Большаков, много работали, надо было заканчивать с диссертациями. Теперь их ничего не

отвлекало. По воскресеньям они гуляли по новому для Тани району. Старые яблоневые сады почти около дома, красивая церковь XVIII века, два огромных парка. В одном – старинная усадьба и еще одна церковь, более позднего времени. В Усадьбе располагался санаторий Академии наук СССР, в церкви – хранилище газет Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина. В парке была красивая лиственничная аллея. Второй парк – просто лес. Зимой там полно лыжников. Тania и Николай считали себя профессионалами в этом виде спорта и до последнего под ярким мартовским солнцем почти по лужам хлюпали на лыжах по обтаявшей лыжне.

Николай Александрович находился в своем «проректорском» кабинете, он был очень сосредоточен. Готовилась объемная «научная записка» на имя Президента Академии наук СССР. Раздался прерывистый телефонный звонок, так звонит либо «межгород», либо «заграница».

– Большаков слушает, – ответил Николай, не отрываясь от текста.

На другом конце провода звучала французская речь, говорил женский голос.

В Париже у Николая была подруга – мадам Жако. Они познакомились в Сорбонне, профессор Жако читала лекции по теории ядерного взрыва, вела семинары. Она сразу обратила внимание на «этого русского», быстро поняла, что он очень талантлив. Мадам Жако была худая, изысканно элегантная дама, лет на двадцать старше Николая, мать троих взрослых сыновей и жена миллионера. Она многому научила Николая и как физик, и как мудрая опытная женщина. После возвращения в Москву они переписывались, не часто, но постоянно, иногда перезванивались.

В Париже, как и в Москве, была весна, только приходила она значительно раньше. Снега не было. Как почти и не было зимой. На клумбах в Тюрильи, Люксембургском саду, на Елисейских Полях буйствовали первоцветы. Вечнозеленые хвойники приобрели яркий, изумрудный оттенок. Иногда с Сены задувал ледяной ветер. Так на то есть длинные, особо завязанные «французским узлом» шарфы, оберегающие шею и уши от пронизывающего ветра.

Мадам Жако сидела в своем кабинете – огромном стеклянном «стакане» на 20-м этаже нового офиса «Центра ядерных исследований» и готовила тезисы выступления в Правительстве по теме: «Безопасное хранение и утилизация ядерных отходов».

– Лучше бы я сходила в салон к Ренуальду, он так чудесно делает маникюр, или к Жаннет на шоколадное обертывание – все больше пользы.

Она смотрела в одно из многочисленных окон, солнце пробивалось сквозь щели жалюзи и слепило глаза. Луиза (так звали мадам Жако) открыла ящик стола, чтобы достать очки со стеклами-хамелеонами и наткнулась на маленькую записную книжку в обложке из белой лайковой кожи. Достала, посмотрела, положила вглубь ящика, о чем-то задумалась, улыбнулась, опять достала записную книжку в обложке из белой лайковой кожи. В книжке был записан телефон Николя, того русского красавца-славянина. Какая сила притянула ее к этому студенту, еще юноше? Ни времени, ни желания к праздным развлечениям у Луизы не было. Это – что-то другое. Может быть, проснулась память предков? Предки Луизы были из России. Великие дворянские фамилии – слава и гордость Империи, в 1917 году едва уцелели, некоторые из них спаслись в Париже. Иные – сгинули в ВЧК и ГУЛАГе. Луиза считала себя француженкой, и, бесспорно, была ей. Но Николя, сам того не подозревая, оставил маленькую зазубринку в ее сердце. Луиза сделала строгое, как на экзамене, лицо и долго набирала московский номер.

– Николя, как Ваши дела, Вы давно не звонили, я общаюсь только с Вашими статьями в журналах. Они бесспорно, талантливы.

Николай сразу забыл про свою «записку». Голос мадам Жако, даже по телефону, издавал аромат чарующих духов, тонких сигарет, которые она иногда позволяла себе, Парижа и... напоминал о первом юношеском безумии влюбленности.

– Все отлично, заканчиваю работу над докторской диссертацией. Пришлю Вам свою новую книгу.

– О чем?

– Это – открытая тема: утилизация и вторичное использование ядерных отходов.

– Вы думаете – это актуально?

Луиза усмехнулась и посмотрела на тему своего доклада в Правительстве Франции.

– Николая, это очень важно! – Луиза чувствовала, Николай о чем-то недоговаривает.

– Мадам Луиза, недавно, я женился... на самой лучшей девушке в мире!

– Как ее зовут?

– Таня, Татьяна.

– Та-ть-йа-нна, – почти пропела Луиза. – это Пушкин?

– Да.

Как Николаю не приходило в голову раньше, ведь его Юшка – пушкинская Татьяна!

Мадам Жако оставалась сама собой – мудрой и прозорливой.

– Я, как будет возможно, пришлю свадебный подарок. Желаю любви.

Раздался голос русской телефонистки:

– Разговор с Парижем окончен.

Николай долго не мог сосредоточиться над «запиской» для Президента Академии наук СССР.

Через месяц Николай и Таня получили из Парижа свадебный подарок – роскошную фарфоровую статуэтку. Юноша и девушка стояли в обнимку. Это был лиможский фарфор.

С середины XV века во французском городке Лимож изготавливали лиможскую эмаль. Медные пластинки или изделия: церковные складни, сосуды, реликвии, портреты – покрывали непрозрачной эмалью. Позже, когда секрет изготовления фарфора стал известен европейцам, в Лиможе начали производить один из лучших в мире фарфор. Таня была в восторге, она любила фарфор и неплохо в нем разбиралась.

– Это же – целое состояние! А кто такая – Мадам Жако?

Николай, глядя в окно, в общих чертах рассказал Тане о профессоре Сорбонны, старушке, жене миллионера. Вроде бы у нее – русские предки.

– Вот бы съездить в Париж! – мечтательно, почти шепотом, сказала Юшка.

Николай «заглотнул крючок».

Телефонный звонок к друзьям и коллегам в город Тулузу – французский центр научных исследований в области техники и новых технологий. Французы называют этот город розовым, потому что он построен из розового туфа. Ура! Через месяц пришло «приглашение» на два лица. Затем долгое, нудное оформление выездных документов. Наконец, визы и билеты – в кармане. Летняя сессия почти закончилась, ректор не возражал, аргумент – «свадебное путешествие» растрогал академика.

Тулуза встретила солнцем и совсем летним теплом. Николай бывал в этом городе на Международных конференциях, как сопредседатель советско-французской космической программы, работал полгода в аэрокосмической компании «Aerospatiale». Это было интересное, незабываемое время. Николай и Таня разместились в уютном отеле в центре города. Тане все нравилось. Она, как ребенок, крутилась по комнате. Плавно размахивала руками, «подлетая» к Николаю с поцелуем, «отлетая» и опять «подлетая». Наконец, Николай поймал свою «птицу счастья», зажал в объятьях, и оба упали на огромную кровать.

К семи вечера их ждали друзья Николая. Большая просторная квартира, мебели немного, в основном встроенные шкафы, удобные кресла, несколько диванов, стол небольшой, круглый, был сервирован «для фуршета». По квартире бегали дети, на них никто, казалось, не обращал внимания. Но дети ничего не «тащили, не сметали» на своем пути, они были очаровательны!

Таня основательно подготовилась к поездке. В самолет, в качестве «ручной клади» она несла целую сумку сувениров. Матрешки, гжельские фигурки и штофы, хохломские ладьи и деревянные двигающиеся игрушки. Самым большим успехом у хозяев пользовались «курочки, клюющие пшено». Курочки стояли на фанерной подставке с палочкой-ручкой. Хитрость заключалась в том, что головки курочек крепились на движущихся деревянных палочках. К головкам курочек привязаны тонкие веревочки и продернуты сквозь незаметные отверстия в фанерной основе. Веревочки завязывались в узелок и крепились к деревянному шарiku под фанеркой. Шарик от малейшего движения колебался, курочки стучали клювами по фанерке, выдающиеся космические инженеры Франции смеялись и просили «еще покормить курочек», дети хохотали до слез. Таня всех очаровала простотой, хорошими манерами и, наконец, особой красотой. Она быстро заговорила на французском языке – учила на курсах, но до этого разговорной практики не было. В гостях просидели за полночь. Тане не было так интересно даже в Гарварде. Николай сиял как «медный самовар». Он был счастлив.

Весь следующий день ходили по городу. Обошли десяток исторических памятников, музеев, даже поклонились Мощам св. Фомы Аквинского. Таня ответственно, как к экзамену, подготовила интеллектуальную часть путешествия. Обедали в ресторане, на десерт подали пирожное с засахаренными фиалками. Фиалка – символ Тулузы. Таня восхищалась, фиалку есть не стала – жалко цветочек, и сунула его в рот Николаю. Розовый город навсегда остался в Таниной душе. Ночным экспрессом отправились в Париж.

Ранним утром экспресс прибыл на вокзал Монпарнас.

Париж встретил их морозящим дождем и пронизывающим ветром. На такси доехали до отеля в самом центре города – около Оперного театра Гарнье. Номер заранее забронирован друзьями из Тулузы. Вход в отель был не с улицы, а из длинного перехода под стеклянным куполом, соединяющего две улицы. По архитектуре – классический «Пассаж», времен застройки Барона Османа, огромных размеров, где размещалось еще несколько отелей и множество магазинчиков.

Описывать Париж бесполезно. Написано столько, что хорошей библиотеки не хватит. Париж надо почувствовать или не почувствовать, такое тоже бывает. Париж для каждого свой. Для Николая это – Сорбонна, залы Международных конференций по ядерной физике и... мадам Жако – легкий ужин в незаметном ресторане, дорогой номер в отеле. Для Тани Париж – пока загадка.

В Москве у ее несколько полок большого книжного шкафа с книгами по искусству, в основном огромные и очень дорогие. Половина из них о французском искусстве и парижских музеях. И, конечно, выставки в Пушкинском музее, на которые она стояла в огромных очередях целыми днями – под ледяным ветром и снегом, палящим солнцем и проливным дождем.

Николай предложил взять напрокат машину, Таня возмущалась, глаза стали холодного серого цвета.

– Город надо прочувствовать пятками.

– Это как, ходить босиком? – засмеялся Николай и понял, что сказал глупость.

.– Ладно, раз идет дождь – это хорошая примета. Пойдем в Лувр!

– Юшка, ты в курсе, что на осмотр Лувра требуется неделя, и это – бегом.

– Меня интересуют две вещи – «Джоконда» и египетские кошки.

– А кошки причем? –

Надевая плащ, Таня объяснила, что в Древнем Египте кошка была культовым животным, объектом всеобщего поклонения, из некоторых кошек после их смерти делали мумии, как из фараонов. Существовали кладбища кошек. А все дело в том, что кошки охраняли от мышей несметные запасы пшеницы, которую египтяне продавали по всему Арабскому Востоку. Кошки являлись, таким образом, «гарантом национальной безопасности». Но это было давно.

Двадцать залов Египетской коллекции, конечно, не обошли, но главное видели. Древние статуэтки котов и кошек донесли до современного человека облик гордого независимого зверя. Незаметные и привычные в городской повседневной жизни обитатели теплых подвалов многоэтажных домов, обязательные коты на фотографиях в календарях любой бухгалтерии – это все, что осталось от древности. В галереях Лувра египетские кошки выглядели величественно и грациозно. В их каменных глазах отражалась Вечность.

«Джоконда» Леонардо да Винчи потрясла воображение Тани. В прекрасном лице с неразгаданной улыбкой Таня отчетливо увидела портрет совсем молодого юноши – возлюбленного великого Леонардо. По Лувру ходили до закрытия музея. Снаружи весь дворец великих королей был в лесах. Проводилась грандиозная реставрация и реконструкция. Николай вышел из Лувра, пошатываясь, перед глазами плыли «импрессионистские» круги. Таня порхала и щебетала, как синица в апреле.

Вкусный ужин в отеле, горячий душ восстановили его. Кровать оказалась чрезвычайно удобной. Чтобы провести «такую ночь», стоило еще раз сходить в Лувр ради египетских кошек!

На следующий день сияло по-летнему жаркое солнце. Весь день гуляли по набережным Сены, дошли до Собора Парижской Богоматери. Очень повезло – услышали часть вечерней Мессы. Звуки органа проникали в самую глубину души, все естество замирало. Таня восхищалась общей архитектурой древнего сооружения, музыкальностью и гармоничностью пропорций, но больше всего умилялась «прелестным» горгульям, установленным для маскировки водосточных желобов Собора. Заодно эти чудовища, с хвостами, рогами, жадным оскалом страшных мордочек, отпугивали злых духов.

Тане очень хотелось посмотреть Сорбонну. Николай гордо согласился. Основной кампус – целый современный городок – находился на окраине Парижа, но само сердце Сорбонны началось биться в 1200 году на левом берегу Сены, недалеко от острова Соте, волей короля Филиппа II Августа. Николай много и вдохновенно рассказывал о величайшем учебном заведении. Обошли старинное здание, где иногда в большом лекционном зале – «амфитеатре Ришелье» с прекрасными старинными фресками – собирался Верховный совет и администрация университета.

Ужинали в кафе, в районе Сорбонны, на одной из древних кривых улочек, самой старой части Парижа. В отель возвратились на метро. Таня принципиально отказалась от такси.

– Дома, что ли не наездились. А потом, парижское метро – исторический артефакт!

С **таким** аргументом просто нельзя было не согласиться. Николай все остальные дни ездил на отвратительном, с его точки зрения, виде транспорта. Что не сделаешь ради любимой! Третий день в Париже – это бесконечная очередь на Эйфелеву башню и пьянящий восторг от панорамы великого города. Сегодня – ужин в кафе напротив башни. Столики стояли прямо на асфальте тротуара, мимо неслись вереницы машин, совсем других, нежели в Москве. У Тани захватывало дух, ведь она любила и понимала машины.

Когда официант, похожий на английского лорда, так показалось Тане, принес меню, она отказалась от устриц, лягушачьих лапок, улиток.

– Это – несерьезная кухня. А знаешь, любимый, – Таня все еще привыкала к этому волшебному слову, – в древнем Китае Императору подавали на обед паштет из сердечек соловья.

– Но лягушки, не соловьи!

– Они скользкие и квакают!

Таня умела приводить аргументы. Николай любил устрицы, вернее, его «научили» их любить. Все остальное, действительно, чепуха. Официант принес два абсолютно не прожаренных, просто сырых, бифштекса, зелень, два бокала лучшего «Бордо». Таня сделала пару небольших глотков, пожевала листочек зелени, еще пару глотков и сморщила нос.

– Наша грузинская «Хванчквара» несравненно лучше!

Николай попросил официанта дожарить мясо «по-русски», с корочкой, и заказал еще «сырную тарелку». Лучшие французские сыры Тане понравились, она с видом знатока оценивала каждый сорт. Впрочем, она и была знатоком, мало кого так изысканно и дорого кормили в хлебосольной Москве, как Танечку Видову. У Николая оставалась последняя надежда реабилитировать высокую французскую кухню – блюдом «фуа-гра».

На следующий, четвертый день их «парижских каникул» в дорогом ресторане на Вандомской площади подали паштет из гусяной печени (это и есть фуа-гра). Таня ковырнула вилочкой коричневую массу, тихо почмокала губами, чтобы лучше почувствовать вкус.

– Салат из фаланг королевского краба с тертым антоновским яблочком – благороднее, здесь тяжеловатый вкус, необходимо много белого вина выпить, – задумчиво рассуждала Таня.

Паштет, впрочем, съела до последней крошечки. Что действительно покорило привереду и гурманку, это – парижские бисквиты.

– Как у бабушки, – восхищенно констатировала она с набитым бисквитом ртом.

Помимо гастрономической программы, еще музей Родена. В Таниной библиотеке были две прекрасные книги о Гюставе Родене, альбом в дорогом издании и еще мечта – увидеть все своими глазами. Мечта сбылась. Глядя на скульптуры, не имеющие подобия, ее сердце то замирало, то начинало бешено колотиться, она бледнела и краснела, только глаза оставались неизменно изумрудного цвета, излучающего волшебное свечение, может быть, такое, как скульптуры Родена. Николай был счастлив только потому, что была счастлива его любимая. Нет, он не был равнодушен к искусству, просто мужские эмоции выражаются совсем по-другому, нежели женские. Вечером – классическое парижское развлечение, перед которым не устоял ни один турист мира – прогулка на речном трамвайчике по реке Сене. Высокие каменные набережные подсвечены мощными прожекторами. Легкий ветерок с реки приятно освежает путешественников после знойного летнего дня. Где-то высоко, значительно выше уровня глаз – огромные дома эпохи Барона Османа. Реконструкция центра города началась примерно в 50-е годы XIX века по приказу Наполеона III, племянника великого Императора Наполеона. Барон Осман возглавлял реконструкцию Парижа.

На кораблике по радио и в наушники играет французская музыка – Шарль Азнавур, Далида, Мирей Матье, Джо Дассен. Можно заказать шампанское. Николай отдыхал, Таня говорила себе: «Это называется "счастье"». Наверное, она была права. На следующий день отправились на Монмартр. Холм высокий. Энергетика места, насыщенного духом и количеством великих имен художников, писателей, композиторов, поражает воображение. Таня рассказывала чуть ли ни о каждом доме и его обитателе или шла по улочке, ведущей к единственному в Париже винограднику. Откуда она все знала? Читала.

На этом счастливое путешествие заканчивалось. Таня собрала в отдельный пакет сувениры, упаковала несколько новых нарядов себе и Кольке. Уезжать было грустно. Она столько еще не увидела, она лишь «прикоснулась» к «великому городу» и успела его полюбить, но не понять, не узнать его характер. А любовь бывает обманчивой.

Прошло два года. Таня и Николай почти одновременно защитили диссертации. Тане присвоили ученую степень кандидата экономических наук, Николаю – доктора физико-математических наук.

Таня и Николай любили друг друга. Эта любовь возникла мгновенно, с первого взгляда, как грандиозное предчувствие будущего счастья. И Таня, и Николай ни в начале знакомства и никогда потом, в течение всей жизни, которая была очень разной – счастливой, печальной, трагической, не задумывались о правильности своего выбора. Да они и не выбирали – просто в Космосе столкнулись две кометы. Они не пытались «просчитать», обосновать «выгоду» своего выбора. Они любили первый и единственный раз в жизни. Полюбить второй раз, как дважды

войти в одну реку, невозможно. Это будет другое состояние души, ума, сердца, другое чувство, возможно, прекрасное, но не любовь. Оба были уверены в неизменной вечности своих чувств.

Таня из девочки-подростка превратилась в обворожительную женщину. Ни один мужской взгляд не проскользнул мимо. Зачастили гости – коллеги Николая, Таня принимала всех радушно, накрывала вкусный стол, но глаза ее были холодно-серого цвета, количество гостей заметно убавилось.

Николай все замечал, про себя веселился и еще больше любил свою Юшку.

Летом, в конце июля, поехали в Крым. Между горой Кара-Даг и поселком Планерское, бывшим Коктебелем, находился чудесный совсем небольшой Дом отдыха. С балкона – вид на море, трехразовое питание, большая, правда, чертовски скрипучая кровать. Что еще нужно для счастья! Вставали рано – и на море. Утром, в мелкой гальке можно было найти крохотные сердолики, полудрагоценные камни – подарок древнего, давно уснувшего вулкана.

– Юшка, зачем тебе эти крохи?

– Я сделаю панно и повешу на стену, драгоценные камни – посланники Вечности, они содержат в себе энергию Космоса, а мы все оттуда. Она подняла правую руку и указательным пальцем, важно показала на небо. Николай не спорил. В действительности, он не знал, откуда «мы все».

После обеда – отдыхали. Это только так называлось. Таня стала женщиной, прекрасной, страстной, бесконечно нежной и темпераментной, изобретательной и послушной. Николай, из мужчины-эгоиста, который только получал удовольствие, превратился в мужчину любящего. Он отдавал всего себя на благо этой женщины. Он знал и предвосхищал каждое ее желание, о котором она сама, возможно, не догадывалась. Ее тело было для него местом священного поклонения, проведения великого «Обряда Любви». Каждый ее вздох или нежный, томительный стон пробуждал в нем такие чувства и ощущения, о которых он не представлял, не мыслил и не догадывался прежде.

К 1 сентября вернулись в Москву. Таню перевели на должность «старшего преподавателя». Она ответственно готовилась к лекциям, как будто раньше она что-то делала безответственно! На работе проводила почти целые дни. Николай уезжал утром и возвращался к ужину. Но ведь, как известно, сутки состоят не только из рабочего дня, но еще из ночи, которую каждый житель планеты проводит по своему личному усмотрению. У Кольки и Юшки ночные планы были незатейливы: любовь и сон. Без первой нельзя ни жить, ни дышать, а второй необходим, чтобы жить и дышать.

У Николая планировалась ответственная научная командировка в США, он серьезно готовился. Из США Николай привез невиданный в Советском Союзе портативный персональный компьютер-ноутбук, размером с портативную печатную машинку. До начала 90-х программное обеспечение ПК было на английском языке, но это не имело значения, оба хорошо знали английский язык. Восторг Юшки был безграничен.

Значит, можно убрать огромный монитор, похожий на телевизор, и клавиатуру размером со стиральную доску. А, главное, избавиться от здорового, в полтумбочки, процессора с жестким диском. И он перестанет гудеть, и, вообще, действовать на нервы. Но до конца ни Колька, ни Юшка еще не знали об «истинной ценности» этого очередного чуда технического прогресса – ценности свободного квадратного метра в маленькой квартире.

Ноябрь. Мало кто скажет, что это лучшее из времен года. И все же, бывают иногда ясные, чуть морозные дни, воздух и земля еще не промерзли окончательно, дышится легко. Рваные темно-синие облака несутся по небу, растерзанные последними, почти беспомощными лучами солнца. В саду, чудом сохранившимся в Беляево, все листья с яблонь давно опали. Они лежат черно-коричневыми круглыми коврами вокруг древних, кряжистых крон. Толстые,

криво закрученные и причудливо изогнутые ветви простираются к небу, как старческие руки, прося «милости».

В последнее время Таня спала долго, «до упора», до последней возможной минуточки. Николай готовил завтрак. В доставленном Марианной, тайком от Петра, очередном пакете с продуктами было несколько тоненьких баночек рижских шпрот. Немыслимый деликатес детства! Кофе готов, белый хлеб нарезан, две маленькие золотистые рыбки расположились на мягкой хлебной подстилке.

Юшка вошла в кухню, где стоял обворожительный шпротный запах и капризно заныла:
– Колька, как ты **это** можешь есть?

Юшка посидела за столом, сходила в ванную, ее даже затошнило. А когда-то она сама обожала шпроты, брала рыбку за хвостик, запихивала в рот, по тонким пальчикам растекалось оливковое масло.

Позавтракали, почти молча, каждый спешил, учебный год в разгаре.

Когда вечером Николай вошел в квартиру, в нос ему ударил едкий запах уксуса и лаврового листа. На кухне, на табуретке, расставив ноги, как наездник на коне, в светлом пальто, сапогах на высоких каблуках сидела Таня. На полу перед ней стояла огромная пятилитровая банка с огурцами и помидорами. Похрустев огурцом, она сунула правую руку в банку, достала помидор, левую ладонь лодочкой держала под помидором, видимо, чтобы не закапать новое пальто.

Таня не встала и не подлетела, как обычно, к мужу, чтобы расцеловать его «после долгой разлуки». Она гордо посмотрела на Николая и сообщила с помидором во рту:

– Купила в «Балатоне» (популярный в советское время магазин продуктов, недорого вина, народных промыслов и одежды из дружественной Венгрии) целых три банки, еле дотащила до машины!

На следующий вечер Николая ждал еще более «суровый» сюрприз. Он с опаской открыл входную дверь. Да! Уже в прихожей стоял знакомый до боли запах детства. Таня, стоя над кухонной тумбой, из наполовину развороченной консервной банки ела «Кильку в томате». Она возмущенно посмотрела на Николая, допила из баночки с острыми железными краями томатную жижку и с пафосом произнесла:

– Люди в космос летают, компьютер придумали, а консервные банки открываем, как в средние века! Я купила пять баночек.

Николай молчал, в голову лезли странные, противоречивые мысли.

Дальше вечер прошел, как обычно: вкусный ужин.

– Юшка, я тебя очень люблю!

–Нет, Колька, а я тебя еще больше люблю.

Потом была любовь.

На следующее утро Таня встала довольно рано, очень бледная и прямиком в ванную: ее сильно тошнило. Николай был уверен, что это – результат огурцов и кильки в томате. Заваривая кофе, она уронила на плиту новомодную «джеззу» и потеряла сознание. Хорошо, что Николай стоял рядом. Через минуту Таня пришла в себя, но ей было плоховато.

Приехала «скорая», врач долго разговаривал с Татьяной Петровной, в коридоре на вопрос мужа равнодушно пожал плечами и уехал. Таня ответила, что все нормально, чмокнула Кольку в нос, быстро оделась и уехала.

Николай провел весь день и вечер в ректорате. Вопросы, проблемы, совещания – все как обычно.

Наконец, дома. Юшка стояла в центре комнаты в белом махровом халате, глаза светились крупными изумрудами. Руки в боки, как буква «Ф». Таня никогда так не делала, эта скандальная, бабская поза была ей абсолютно не присуща. Она не переставала удивлять мужа.

– Николай Александрович, а как Вы отнесетесь к тому, что станете отцом своего ребенка? – протяжно, нараспев, спросила Юшка.

Николая бросило в жар. Соленые огурцы и килька – к беременности, знает каждый школьник. Как он не сообразил – физик, одним словом.

– Я умру от счастья.

– Тогда Ваш ребенок станет безотцовщиной, а его мамочка – матерью-одиночкой, – и без паузы продолжала, – я была у врача – восемь недель, надо сдать кучу анализов, есть творог и яблоки зеленого цвета.

Николай как самую драгоценную в мире ношу взял Юшку на руки, положил на диван, встал перед ней на колени и долго, нежно целовал. Потом, дрожащей рукой дотронулся до халата и тихо спросил:

– Он там?

Она шепотом ответила:

– Там. Я думаю, у нас будет мальчик, ведь я ела соленые огурцы, а к девочке – едят торты и мармелад.

В голосе Юшки появилась новая, рассудительная интонация. Интонация матери.

Таня сдала все необходимые анализы – результаты были ужасные: в крови резко повышено содержание лейкоцитов, а самое опасное – катастрофическое содержание белка в моче. В организме шел сильный воспалительный процесс. Марианна подняла на ноги всех знакомых врачей. Таню положили на обследование в Институт гинекологии и акушерства АМН СССР. Врачи разводили руками, какое обследование, рентген почек беременным на таком раннем сроке делать нельзя. Об аппаратах УЗИ слышали как о «заморском чуде», но появились они в России только в начале 90-х. Давать лекарства, тем более, антибиотики означало – искалечить или вовсе убить ребенка. Поили травами, которые тоже могли вызвать аллергию. Улучшения не предвиделось.

Марианна ничего не говорила Петру, а его ничего не интересовало, кроме политики.

Николай ходил как в воду опущенный. Он читал лекции, «вел» аспирантов, проводил заседания кафедры, работал в ректорате, и только выражение глаз было одинаковое: боль и тоска. Неужели его ребенок, сынок, которого он уже так любил, никогда не родится?

На календаре 30 декабря 1980 года. Понедельник. Первая пара лекций на четвертом курсе. Ребята умные, понимают, зачем пришли. После лекции к Николаю Александровичу подошел студент, худенький, в очках, с огромным портфелем. Он робко стал говорить, немного заикаясь и краснея:

– Вот я слышал, в Америке, в смысле в США, фирма МАКИНТОШ, это как ЭППЛ, – пояснил студент. Вдруг доктор физико-математических наук, Николай Большаков этого не знает, – разработала программу...

Профессор Большаков внимательно выслушал студента, крепко пожал его потную от волнения ладошку и почти побежал в ректорат. Срочно связаться с «Макинтош», напроситься в командировку в США, там купить лекарства для Юшки и тогда, тогда у него родится сын. Николай был уверен в своем плане.

Командировочные, виза, билеты были в кармане. Николай пришел в больницу, сразу направился не к Тане, а в кабинет главного врача.

– Да, в США **такие** лекарства есть. Дорогие, но эффективные, новое поколение, последовали медицинские термины. Но, – заведующий сделал длинную паузу, – мы без лицензии Минздрава СССР не имеем права применять к больным такие препараты. А лицензии на эти лекарства, насколько мне известно, нет. Так что, молодой человек, не трудитесь зря.

Николай секунду молчал, потом схватил заведующего за воротник белого халата и заорал:

– А лицензия на смерть моего ребенка и моей жены у Вас есть?

Он продолжал трясти светило медицины. Врач кое-как вывернулся, налил два стакана воды – себе и бешеному посетителю. Отдышался, и тихо сказал:

– Ладно, везите лекарства, они должны помочь. Но поймите, я сильно рискую и репутацией и местом, – и совсем шепотом, – мой риск дорого стоит.

Через месяц Таню выписали. Анализы были хорошие. У нее уже был виден живот.

Таня ходила по квартире, осматривала каждый уголок, трогала каждую вещь, дышала воздухом дома. Николай сидел в кресле и смотрел на жену. Она сильно изменилась. От носа до кончиков губ пролегли чуть заметные морщины – свидетельство страдания. Глаза были спокойного синего цвета, как теплое южное море. Она прилегла и задремала. Николай включил компьютер, первый раз за последние три месяца он смог сосредоточиться на работе. К утру была готова статья, ее опубликовали сразу несколько научных журналов в Советском Союзе и за рубежом. Николай понимал: нужны деньги, и он их зарабатывал единственно возможным для себя путем – своим талантом и трудолюбием.

Жизнь в маленькой квартире в Беляево текла тихо и размеренно.

По совету врачей и, прежде всего, мамы Таня отказалась от лекций и семинаров, редко появлялась на кафедре. Она задумала написать книгу и учебное пособие для студентов по материалам Гарвардского университета. До сих пор они так и оставались невостребованными. Составила подробные планы, но оказалось, что за компьютером она больше часа просидеть не может – начинает болеть поясница.

Через месяц поясница стала болеть почти постоянно. Ребеночек рос, набирал вес. Марианна через знакомых врачей «достала» бандаж для поддержки живота, на какое-то время стало легче. Потом боль возобновилась, она нарастала с каждым днем. Таня не могла сидеть, стоять, лежать. Ее положили в ту же больницу и в ту же палату. Врачи недоумевали, угрозы выкидыша нет, откуда такая боль? Все губы были искушены в кровь, руки истерзаны. От постоянного болевого синдрома у Тани началась серьезная депрессия. Марианна часто плакала, только она догадывалась о причинах дисфункции почек, а теперь, когда ребеночек стал набирать вес, и о причинах боли в пояснице.

Тот страшный вечер, когда Петр избил свою дочь, Марианна помнит до мелочей. Почему она сразу не убила Петра, чтобы спасти дочь, внука или внучку! Работала бы врачом в колонии, подумаешь – нары. А видеть, как страдает дочь и сможет ли родить – это наказание хуже тюрьмы. «А может быть, я ошибаюсь, – спрашивала себя Марианна, – причина в чем-то другом?»

По настоянию Марианны, Таню осмотрел известный профессор из Центрального института травматологии. Он сразу увидел неглубокую, заметную только профессионалу вмятину на пояснице, долго прощупывал и слегка постукивал больную спину и пришел к выводу, что в поясничном отделе позвоночника две или три грыжи, смещение кобчика и, возможно, опущение правой почки. Как доносить ребенка, профессор не знал. Рожать – только кесаревым сечением. А затем, срочно, операция на позвоночнике и операция на почке, или женщине грозит тяжелая инвалидность. Если возможно, привезти из Европы или из США обезболивающее средство для беременных или купить у нас, на «черном рынке». Лучше привезти, у нас могут продать подделку.

Через два дня Николай встречал самолет из Парижа. Незнакомый молодой человек передал ему большой пакет с лекарствами. Пакет был от Мадам Жако.

19 июня 1981 года у Тани и Николая родился сын. Вес – 3 кг 800 г, рост – 54 см. Волосы рыжие с русым оттенком, кудрявые. Глаза голубые. Закричал – сразу. Состояние мамы – удовлетворительное.

В коридоре больницы Марианна рыдала в голос, Николай отвернулся к окну, он закусил до боли нижнюю губу. Через два дня Таню перевели в общую палату, принесли ребеночка. Она сразу решила, это – лучший ребенок на свете! Посещение мамочек и, тем более, новорожденных младенцев, категорически запрещено. Но Николаю в виде исключения, понимая, сколько пережил этот мужчина, и что еще предстоит, разрешили увидеть жену и сына. Медицинская сестра натянула на него белый халат, шапочку, на ботинки надела и туго завязала белые мешки и подтолкнула в спину.

– Не, дрейфь, папаша, 19 палата.

Таня полулежала на спине. Лицо ее, бледное, измученное, сильно похудевшее, выражало абсолютное счастье. На руках она держала маленький, катастрофически маленький кулек, с одной стороны кулька торчал рыже-золотистый пушок. Николай решил, что врачи ошиблись, когда сообщили, что ребенок крупный, здоровенький. Да и Марианна, что она понимает в детях! Таня подняла глаза, Николай прищурился – такой свет исходил из этих глаз. Он подошел к кровати и остановился, он не знал, что делать дальше, можно ли поцеловать Юшку, а если можно, то куда: в руку или в губы? И как? Этот байковый кулек! Николай боялся на него посмотреть, не то, что дотронуться. Юшка неожиданно засмеялась:

– А тебе идет, прямо-таки заведующий родильным отделением. Здравствуй, любимый!

Николай пролепетал:

– Юшка, я, я без тебя чуть не умер.

Таня скорбно улыбнулась

– Это я чуть не умерла, там, в реанимации, после операции. Видишь, операции, а не родов.

Николай, наконец, пришел в себя. Он, боясь дотронуться до «кулька», целовал Юшкино лицо, руки и все равно натыкался на кулек, то носом, то губами. От «кулька» шел неопишимо нежный, сладковатый запах. «Кулек» вдруг закричал и через секунду заплакал.

Юшка улыбнулась:

– Кушать просит, но мне запретили кормить, много «химии» в молоке, да, и молока почти нет – от болевого шока и стресса.

У Николая так сжалось сердце, что на мгновение стало трудно дышать. Он бодро успокоил жену:

– Ничего, выкормим, мадам Жако уже прислала огромный ящик с распашонками, бутылочками, сосками и, главное, с детским питанием!

Таня поняла, что ее не бросили, про нее не забыли. Там идет большая работа. Прибежала медсестра, принесла бутылочку с детским питанием. Таня нежно повернула малыша на спинку, довольно высоко подняла головку.

Николай, наконец, увидел своего сына.

– Какой красивый, синеглазый, кудрявый... мой сын...

Больше он ничего не успел сказать, опять прибежала медсестра и вытолкала Николая из палаты.

В бесконечных записочках, которые за шоколадки безропотно носила нянечка, обсуждалось имя сына. Родители решили, каждый напишет «свою версию», а потом – обсудят. Оба написали – Василий. Мадам Жако прислала лекарства, которые спасли и Таню, и сына. Следующую ее посылку – огромную коробку, Николай получил в Шереметьево-2 от хрупкой тоненькой девушки, которую встречала машина посольства Республики Франции.

Когда Николай и Марианна открыли коробку, там были: батистовые кофточки, странного покроя штанишки. Еще – крохотные, Марианна подсказала, пинетки, пластиковые бутылочки, приплюснутые силиконовые соски и пустышки и, главное, детское питание, целых полкороба. Лежал большой белый конверт, в нем – открытка с розовощекиим ангелом, летящим на голубых капроновых крылышках. Было приложено письмо, напечатанное на компьютере, где сообща-

лось, что посылки будут поступать каждые три месяца, необходимо предварительно звонить и сообщать рост и вес младенца и если вдруг что-то срочное – звонить ночью. Большое счастье, что мама жены Николая, Татьяны, – детский врач.

Марианна хлопала в ладоши, перебирала невиданной красоты детские вещи, а Николай переводил с французского языка и писал для бабушки инструкцию, как готовить детское питание.

Через неделю Василия выписали из роддома, его забрали Николай и Марианна. Таня еще неделю пролежала в послеродовой палате, опять начались страшные боли в пояснице – до судорог и обмороков, лекарства уже не помогали, анализы показывали, что воспаление в почке усиливается, ее перевезли в Институт травматологии и начали готовить к операциям.

Марианна уволилась с работы, ее все понимали. За прощальным чаем «сестрички» всплакнули.

Марианна за день до выписки Васеньки собрала чемодан самого необходимого, перекинула через руку легкое пальто и плащ и собралась ехать в Беляево, устраиваться. К встрече Васеньки все уже было готово. Марианна будет спать на диване, рядом с детской кроваткой, а Николай на кухне, на новой раскладушке.

Выходя из квартиры, она на мгновение замерла. На пороге стоял Петр. Марианна попятилась, споткнулась о чемодан, чуть не упала. Петр по – хозяйски вошел в дом, с удивлением посмотрел на жену и насмешливо спросил:

– На курорт собралась?

– Нет, – резко ответила Марианна.

Петр сделал несколько шагов вглубь прихожей, как бы возвращая Марианну назад, в квартиру.

– И куда ж, это ты намылилась с чемоданом или вещишки продаешь, а ведь покупала на мои денежки!

Марианна спокойно поставила чемодан, положила на него пальто и плащ, сняла туфли.

– Петр, нам есть о чем поговорить, – и прошла в «залу».

Петр удивленно проследовал за женой.

Марианна села на диван, Петр в «свое» кресло.

Во-первых, – начала Марианна спокойным, даже жестким, голосом, – поздравляю, 19 июня у тебя родился внук, Василий.

Петр вздрогнул, все его большое тело колыхнулось под милицейской рубашкой.

– Во-вторых, я переезжаю к Николаю, завтра мы забираем из роддома Васеньку.

– А что, без тебя не донесут младенца до машины?

Марианна молчала. Про себя она молила: Господи, дай силы это выдержать! Ей казалось, что она не сидит на роскошном диване, а идет по минному полю.

– Таня в очень тяжелом состоянии, она будет в больнице еще несколько месяцев.

Петр еще раз вздрогнул, лицо побагровело. Марианна в основных чертах рассказала все, и заключила:

– Это – результат твоих побоев, тогда, пять лет назад. Сначала все внешне зажило. Мы даже не обращались к врачам, я сама Танечку лечила. Врачи составили ли бы «Акт о насильственном избиении с угрозой здоровью 2-й степени», а это – уголовная статья. Мы тебя боялись.

Марианна не сказала, что Николай вызывал «скорую», и что сказал врач. Иначе она не вышла бы живой из этой квартиры.

– А во время беременности – все проявилось, да в запущенном состоянии.

Марианна встала, намереваясь уйти.

Петр перегородил ей дорогу.

– Мара, Маруся, (так он называл ее давно, в молодости)!

Больше он ничего не мог произнести, по толстым, дряблым щекам текли слезы, он совсем близко подошел к Марианне, хотел прижаться к ее щеке, телу, но она буквально отскочила от этого страшного «буйвола». Она посмотрела на Петра и тихо сказала:

– Нет, я никогда не смогу перешагнуть через это. Молись, чтобы твоя дочь не умерла. Не оборачиваясь, прошла в прихожую, надела туфли, взяла чемодан, пальто, плащ и направилась к лифту.

Петр, не вытирая слез, шмыгая носом, дошел до спальни. Там, в нижнем ящике его тумбочки лежала синяя картонная папка с детскими рисунками Тани. О ее существовании никто в семье даже не догадывался. Когда Тане было года четыре, она неожиданно для себя и для всех окружающих обнаружила – ее папофку зовут Петя, значит – петушок. И стала рисовать петушков. Петушки были яркие, похожие на невиданных птиц, павлинов, фазанов, иногда угадывался петух. Каждый вечер, тайком, она дарила Петру нового петуха. Это была такая секретная игра. Отец бережно складывал петухов в папку и никому не показывал. Если бы в квартире случился пожар, первое, что схватил бы Петр, была бы синяя папка. Петр разложил рисунки по кровати, каждый подолгу рассматривал, изредка вытирая слезы кулаком. Слезы все текли, на покрывале образовалось маленькое мокрое пятно. Слезы очищали душу. Петр плакал первый раз в жизни. Наконец, он бережно собрал рисунки и убрал папку в тумбочку. По телевизору показывали какую-то несурязицу, это было понятно даже ему. Петр принял необходимые таблетки и заснул. Утром – опять на работу.

В стране происходили важные события. Леонид Ильич Брежнев скончался в ноябре 1982 года. Решением внеочередного Пленума ЦК КПСС генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Юрий Владимирович Андропов, прежде занимавший пост председателя КГБ СССР. Через месяц – 18 декабря 1982 года из охотничьего ружья застрелился Николай Анисимович Щелоков, министр внутренних дел СССР – непосредственный начальник генерала Петра Задрыги. Новый министр внутренних дел В.В. Федорчук стал проводить комплексную проверку деятельности Министерства, выявилось большое количество злоупотреблений. Генерал Задрыга сидел в своем кабинете и боялся дышать. Так страшно ему не было даже в войну, когда под пулями он на старенькой полуторке подвозил боеприпасы на передовую.

9 февраля 1984 года умер Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов, а 13 февраля единогласно Генеральным секретарем ЦК КПСС был выбран тяжело больной 72-летний Константин Устинович Черненко.

В магазинах становилось все меньше товаров первой необходимости и продуктов питания, а очереди – все длиннее. На предприятиях, в научных и учебных заведениях распространилась система «заказов», куда входили элементарные продукты: пакет гречки, батон полукопченой колбасы, несколько банок консервов. Стала процветать система продажи «из-под прилавка». Это касалось и промтоваров. Импортную кофточку, хороший костюм, дамские сапоги и даже детскую одежду следовало «доставать по блату». Из Подмосковья и ближних областей по субботам и воскресеньям потянулись «колбасные электрички». Между москвичами и приезжими в очередях все чаще возникали стычки и мелкие драки.

Кроме работы, у генерала Задрыги ничего не осталось, почти ничего. Квартира принадлежит Марианне, все эти пыльные люстры, горы хрустальных ваз и вазочек, рюмок, бокалов – мелочи, которые ничего не стоят. Деньги, которые Танька и Марианна транжирили в 200-й секции ГУМа на третьем этаже главного универмага страны, теперь не вернешь! Оставалась самая малость. Только то, что он, кулацкий сын, сумел утаить и накопить.

Эта самая малость составляла немалую сумму – более 500 тысяч советских рублей. Ничего, «там», он поднял глаза к потолку, не обеднеют.

У его отца больше забрали. Целую неделю весь продотряд на своих, да батянинных подводах добро вывозил. Раскулачивали самого зажиточного хуторянина, из богатого, на 100 домов

и хат, хутора Угрюмое на высоком берегу Днепра – Данилу Петровича Задрыгу. Жена его, Ганна Спиридоновна, как заголосила, глаза к небу подняла, так и померла. По матери Петька горевал – добрая была и безответная. Батяня не дожил до начала войны. В колхоз не пошел, сказал всем, что помер, и спрятался в погребе. В «голодомор» дети, а их было шестеро, носили отцу в погреб, что могли найти, мороженую картошку, похлебку из собачатины и кошатины, сами не ели, а ему несли. Отец все ждал «освободителей», каких, он точно не знал. Но он верил: придут, мол, и все, до «зернушка, до куряки», вернут и «хозяйство восстановят». Но не дождался. Дети поумирали от голода, а за ними и сам Данил Задрыга. Один Петька выжил. Он был четвертый среди братьев и сестер, самый крепкий и хитрый. К батяне в погреб не лазил, у братьев и сестер забирал чуток еды, чтобы не очочуриться.

Потом полегчало, на хуторе школу открыли. Петру, как сироте, хлебный паек давали. Петька вступил в пионерский отряд. Летом он крутился около трактористов, помогал, чем мог. Перед войной научился трактор водить и полуторку (небольшой грузовичок).

Немцы пришли, начали все жечь, людей расстреливать. Соберут из тех, кто на ногах стоит, велят ров выкопать, людей в ров штыками затолкают и стреляют. В кого не попали, те посидят тихонечко и ночью вылезают, так их опять в ров и уже – наверняка.

Петька убежал в Киев, туда «немец» еще не дошел, но был на подступах. Город спешно, в суете и беспорядке, эвакуировали. Не хватало машин, водителей. Петька, парень высокий, хоть и худой, по бумагам – или 16, или 18 лет – не поймешь, «баранку» крутить умел. В военкомате отправили на автобазу Киевского университета – вывозить преподавателей и оборудование физических лабораторий. В кабину полуторки, загруженной ящиками, коробками, связанными стопками книг, канцелярских папок, запрыгнул парень и протянул руку:

– Семен Заболотский.

– Быстрей, Семен, фашист – на хвосту!

Петька ловко крутил «баранку», сумели выскочить из-под бомбежки. Страх и желание выжить, спастись, породнили их. Во время войны Петр и Семен переписывались. Треугольники доходили до адресатов. После Великой Победы встретились в Киеве, у Владимирской Горки, как уговаривались, и решили вместе ехать в Москву.

Раньше, когда Марианна и Танька транжирили деньги на сапоги и шубы, деньги накапливались не так быстро. На себя Петр Данилович ничего не тратил, форменную одежду, обувь, даже нижнее белье и носки периодически выдавали «по положенности» на генеральском складе ХОЗУ МВД СССР (хозяйственное управление). Это радовало Петра. Ездил он на персональной машине. Своя, белая «Волга», стояла в кирпичном гараже, недалеко от дома. Ящики с продуктами, вернее, деликатесами, и ящики с коньяком доставляли прямо на квартиру. Но главное – это деньги! В конце каждого месяца доверенные лица со всех концов страны, обычно в конце рабочего дня приносили пухлый конверт. На сберкнижку такие суммы класть нельзя. Сначала Петр прятал деньги в обувную коробку, и запихивал ее глубоко на антресоли. Но Марианна, с ее дотошностью и аккуратностью, могла найти, да и денег становилось все больше. Петр придумал сделать сейф в квартире еще лет десять назад, работая начальником одного из центральных главков Министерства. Он в июле отправил Марианну и Таню в санаторий, в Сочи. Выписал себе командировку на один день в город Пермь, в колонию строгого режима «Белый лебедь». Там отбывал длительный срок рецидивист, вор-домушник. Придумал легенду о «повторном следствии», и в вагоне «СВ» вывез бандита в Москву. По дороге приодел, накормил. Привез домой. На кухне за большим двухкамерным финским холодильником «Розенлев» на маленьких колесиках, в полутораметровой кирпичной стене сталинского дома под видом ремонта выдолбили нишу, вставили в нее заранее приготовленный сейф, списанный в Министерстве еще год назад и надежно спрятанный в гараже, хорошо зацементировали. Домушник подобрал ключи и наладил замки. Крышку сейфа обклеили остатками обоев, которые Мари-

анна хранила на антресолях, смазали колесики холодильника и поставили все на место. Бабке, Галине Михайловне, объяснили, что подтекала труба отопления.

Таким же путем «домушник» вернулся в колонию, но через неделю на производстве, где он работал, произошел несчастный случай, «домушник» погиб, а начальника колонии понизили в должности, перевели надзирателем на производство, где он через месяц неудачно поскользнулся и насмерть разбил голову о чугунную раму станка. Петр один раз в месяц, ночью, отодвигал холодильник и клал в сейф очередной конверт. Общая сумма невероятно быстро увеличивалась.

В один из дней, перед выпиской из роддома Васеньки, к Николаю в кабинет зашел Семен Семенович. Шли экзамены, необходимо было уточнить вопросы в некоторых билетах.

Конечно, на кафедре все обо всем знали и искренне переживали за Большакова. Он никогда никому не жаловался, и только Семен Семенович знал некоторые подробности его личной жизни. Они разговорились о Тане, о ее семье. Что-то Николай слышал от самой Тани, о чем-то догадывался. Марианна всегда уходила от семейной темы.

Семен – единственно близкий, мог сказать правду. Николай спросил:

– А что за человек, этот генерал Задрыга, мой тесть? Ведь я его видел всего один раз – у Вас на банкете.

Семен Семенович тяжело вздохнул.

– Петр – сложный человек, непростой судьбы. Коль, а ты что о мне-то знаешь?

Николай нахмурился и пожал плечами.

– Вы – уважаемый профессор, фронтовик!

– И все? Я ведь родом из Киева. Мы с Петром Даниловичем вовсе не братья. Так, война свела. У меня отец тоже был физик, практик, экспериментатор, по современным понятиям, баллистик, летающие ракеты придумывал.

– Это «катюши», что ли, – заинтересовался Николай.

– И это тоже. Он был профессором кафедры «практической физики», на оборонную промышленность работал, как сейчас бы сказали. Его уважали и «берегли», хотя он был из дворян, правда, сильно обедневших. Женился на богачке, дочери киевского банкира, еврейке. Только ты – об этом – никому! А то меня в два счета – метлой, за 101-й километр.

Николай утвердительно кивнул.

– Уже не те времена.

– Когда Киевский университет стали эвакуировать, фашисты уже бомбили пригороды, Петр нас вывез на развалюхе-полуторке. Сам он, Петька... – и Семен Семенович рассказал жуткую историю детства и юности Петра. – Мы ехали из города без дороги, по ухабам, кругом воронки от бомб, нас ни одна пуля не коснулась, бомбы летели мимо. Петр смеялся: «Я заговоренный, меня ни одна пуля не достанет, надо только батянино богатство вернуть!» Под бомбами, на волосок от смерти, а он думал о «батянином» богатстве! Наш университет эвакуировали в Новосибирск, я там женился, сыночек родился. Я закончил два последних курса, получил диплом и пошел на фронт – в разведроту. Я хорошо знал немецкий, ночью ползал на линию фронта, подключал наушники, слушал фашистов, переводил и докладывал ротному командиру. Один раз провод порвался, так я его зубами зажал, видишь, губы кривые. Но ток в телефоне – слабый, я вернулся, все доложил на бумаге лейтенанту и – в госпиталь. Потом вернулся на фронт, сам уже лейтенант, Орден Красной Звезды получил.

А Петька колесил по фронтам, боеприпасы на передовую возил, лез напролом. И, правда, ни одного ранения, ни царапины. Заговоренный! Мы перписывались, договорились встретиться в Киеве на Владимирской Горке. В 44-м я получил от жены из Новосибирска «треугольник». Она писала, что умер мой отец от сердечного приступа. В последний год он сильно мерз,

в доме холодно, дров не хватало. А кругом – тайга. Вслед за ним, от воспаления легких – наш сынок, потом – моя мама обморозила ноги и через полгода – тоже.

На глазах Семена Семеновича блестели слезы.

– Жена уехала в Москву, к своей тетке. Тетя Клава жила в переулке, около Андроникова монастыря вместе с маленькой пятилетней дочкой, в одной небольшой комнате. Мужа у нее не было. Тетя Клава сильно болела. Моя жена ухаживала за ней и за ее дочкой Верочкой. Все трое были изможденные, худые и голодные. Продовольственные карточки им не полагались.

А мы встретились с Петькой! Как договаривались, в Киеве, у Владимирской Горки, и сразу махнули в Москву. Ему некуда было возвращаться, от всего хутора одна печная труба осталась.

Семен Семенович долго молчал, попил воды.

– Коль, ты извини, я все о себе, как-то занесло. Петр, он был хороший мужик, самостоятельный. Сразу устроился водителем на автобазу ГУВД Москвы. Это ему наш сосед подсказал, он там работал, опергруппу возил. Петька – фронтовик, с наградами, сразу стал возить начальника МУРа, общежитие дали.

– А, Вы, Семен Семенович?

– А я сюда, к вам, младшим преподавателем. Потом, в 50-е, поступил в аспирантуру и так далее. Тетя Клава умерла, а Верочку мы удочерили.

А про Петьку, этот начальник МУРа и надоумил Петьку пойти в Высшую школу милиции, здорово ему помог. Очень Петька умел услужить там, где надо. Петька получил высшее образование, работал в следственной группе, – я не очень в этом разбираюсь. Он всегда был на хорошем счету. Он умеет нравиться начальству – простой, надежный, лишнего слова не скажет. Петр, позже, Академию МВД с отличием закончил, где начальствующий состав готовят. Его дальше, в адъюнктуру звали, он отказался: «Не нужна мне ваша "кандидатка"!» Он сам мне говорил: «Я в центральный аппарат пойду, в Министерство. Мне надо батянины деньги у коммунистов забрать». Ненавидит их всю жизнь, а сам в КПСС, тогда еще ВКП(б) называлась, на фронте вступил. Мне объяснял: «На фронте легче, раз воюешь против фашиста – обязательно в партию возьмут».

Семен Семенович замолчал.

– Ладно, Коля, мне пора, уже поздно.

– Подождите, очень прошу! А как они с Марианной Гавриловной поженились? Она, по моему, совсем другая?

Семен Семенович вздохнул, еще попил воды.

– Маруська сидела в Москве, к экзамену готовилась, на втором курсе, а родители на даче. Святые люди были! А ты сам знаешь, в каком доме они живут, не квартиры, а дворцы, музеи. Так ее соседку ограбили, пока та с собачкой гуляла. Картины бесценные из рам вырезали и вынесли среди бела дня. Эти картины полковник, хозяин квартиры, сразу после войны из Германии вывез. Петька приехал на следствие, Марианна – единственный свидетель. Грабителей через три дня поймали на Тишинском рынке, а Петька все ходил проводить следственный эксперимент... квартире все удивлялся, к тому же, отец Марианны – генерал, Герой Советского Союза. Петька говорил, она сама к нему полезла, но я не верю. Эта девочка не так была воспитана, не той души. А Петька – буйвол, захотел – взял. Он считает до сих пор, что ему все можно, раз его батяню раскулачили. Я думаю, это на уровне психики, детская травма. Марианна забеременела, Петька испугался, думал, его на Соловки сошлют, а его – под венец! Любят – не любят они друг друга, кто их знает?

Семен Семенович устало отклонялся и поехал на метро в свое Бирюлево.

Николай сидел в «кафедральном» кабинете, пока не явился Василич. Домой не хотелось. Что будет дальше?

На следующее утро, к одиннадцати часам, Марианна и Николай приехали в роддом. О ком и о чем каждый из них думал, догадаться не трудно. Но оба молчали, понимая, что надо беречь силы. Николаю вручили Васеньку, Марианна раздала медперсоналу цветы, шампанское, коробку конфет.

Когда дома бабушка Мара развернула внука, Николай, внимательно рассматривая младенца, увидел ножки с крохотными ступнями, розовыми пяточками и малюсенькими пальчиками. Он с ужасом произнес:

– Это что, у мальчика недоразвитые ножки, он ходить не сможет?

Марианна засмеялась, поцеловала Васеньку в пяточки.

– Через год бегать будет, не догонишь, а в 15 лет – 46-е ботинки будете покупать!

Николай неуверенно покачал головой.

Через неделю он хорошо пеленал ребенка, правильно кормил, по инструкции стерилизовал бутылочки. Купал Васю только отец, наливал ванночку, проверял воду локтем, как научила Марианна, мягкой тряпочкой тер розовое детское тельце. Марианна только держала полотенце.

Они никогда не спорили, уважали чужое мнение, были деликатны и внимательны друг к другу. Иначе они бы не выжили эти полгода, страшных и трудных, пока болела и долго выздоравливала Таня. Они стали друзьями.

Тане сделали одновременно две сложные операции. Она выдержала, ведь ее ждал сын. После операции Таню «замуровали» в гипс – от груди до коленок. Так она пролежала больше месяца. Николай и Марианна ходили к ней не очень часто, Николай работал, Марианна занималась внуком. Таня все понимала, она не обижалась, только ждала, крепко сжав губы.

Деятельная и общительная Марианна договорилась с соседкой с 5 этажа – бодрая пенсионерка по три часа каждый день гуляла с Васей, пока Марианна стирала, гладила, готовила.

Через три месяца Таню выписали. Николай нес ее до машины на руках, легкую как пушинку. Дома она ходила с клюшкой месяца два. Марианна переехала обратно на Белорусскую, с Петром она не разговаривала, просто не замечала его, он тоже ни о чем не спрашивал. Каждое утро, без выходных и праздников, ровно в 8-00 Марианна Гавриловна выходила из метро Беляево и входила обратно в метро, в 21-00. Так продолжалось еще полгода, потом бабушка Мара стала ездить реже.

Когда Васеньке исполнился годик, Марианна Гавриловна вернулась на работу. Своих накоплений у нее никогда не было, Петр давно не интересовался ее финансовым положением, продавать ставшие ненужными вещи страшно. Заметит – уйдет. Брать деньги у зятя и дочери она не могла. Марианна долго оправдывалась перед Таней. Дочка все поняла.

– Мама, ты столько для меня, нас, сделала, что мы... мы...

Она не могла подобрать нужных слов и стала обнимать и целовать свою родную, самую лучшую на свете маму.

Марианна расплакалась. В последнее время нервы никуда не годятся.

– Я буду приезжать, я ведь не могу жить без Васеньки.

Вася рос и хорошел, как полагается по учебникам для педиатров. Таня не отходила от Васеньки. Постепенно она поправлялась, ей так хотелось все делать своими руками, носить на руках своего ребеночка, наконец, рядом любимый мужчина – она мечтала скорее быть с ним и быть его женщиной.

Они все выдержали. Пришла весна, здоровье, любовь.

19 июня 1986 года, четверг. Николай Александрович Большаков, заведующий кафедрой, профессор, проректор по международным связям крупнейшего технического учебного заведения страны вызвал секретаршу Светочку. Она без стука «влетела» в кабинет начальника с блокнотом и ручкой в руках. «Шеф» строго посмотрел на Светочку.

– Светлана, Вы отстраняетесь от работы... до 14 часов. Ваша задача – найти двух или одного... аспиранта, из тех, кто Вам больше нравится, и – в магазин, там, конечно, не густо,

но все что есть – ваше, – и протянул Светлане небольшую пачку денег. – Сегодня моему сыну Василию исполняется один год.

Светлана радостно захлопала в ладоши и вылетела ловить аспирантов.

Прошел еще год и еще полгода. Василий не ходил по квартире. Нет. Он носился как атомное ядро в андронном коллайдере, сметая все на своем пути. Если Таня собирала игрушки в большой картонный ящик, то они сразу же вылетали обратно. Телевизор поставили на шкаф, откуда ничего не было видно. А смотреть – было что. Вскоре купили небольшой, компактный «Панасоник», и по проекту Тани Николай встроил его в кухонную полку. В дом вернулась информация.

Таня разговаривала с мамой, может быть, одну минуту, Васенька был рядом и стучал палкой от пирамидки по машинке, пытаясь разобрать игрушку и выяснить, что там внутри.

Марианна испуганно проговорила в трубку:

– Что-то очень тихо, иди на кухню.

Василий сидел на полу и посыпал голову, нет, не пеплом, мукой! Большая жестяная банка с плотной крышкой открытая валялась под столом. Василий посмотрел ясными глазами на маму и произнес:

– Мамоська, это снежок выпал, и радостно стал хлопать ладошками по горкам муки...

Вечером Николай долго смеялся. Николай оказался «неправильным» отцом. Все, что вытворял его сын, вызывало у него одно чувство – восторг. После того, как Вася достал из кухонной тумбы все кастрюли и стал гонять их, как футбольные мячи, а крышками стучать «в литавры», ручки шкафов туго связали веревками. Как-то утром Таня обнаружила в Васиной кровати разодранный пододеяльник, через несколько дней – порванную штанину пижамки. Родители недоумевали. Оказалось, Вася прокусывал зубами дырочку, засовывал в нее указательные пальчики и раздирал вещь в клочья. Так же он поступал с дефицитными колготками. Таня была в ужасе.

Марианна, как детский врач с большим опытом, успокоила:

– Растет нормальный, любознательный мальчик.

Но всему приходит конец.

Николай, замученный и раздраженный, после бестолковой, бездарной защиты кандидатской диссертации сыном министерского чиновника, за которую весь ученый совет проголосовал «за», наконец, открыл дверь родного дома, надеясь обрести покой и сочувствие. И он получил – удар в лоб, довольно большим пластмассовым шаром из набора «Игра в кегли». Николай спокойно разделся, помыл руки, взял сына в охапку и посадил к себе на колени.

– Видишь ли, Василий, ты – не дикарь, а цивилизованный человек...

Таня стояла за спиной мужа и держала у него на лбу пакет польской замороженной зеленой фасоли.

Василий все понял, он возвел пухлые, в перевязочках, руки к небу и закричал:

– Уйя, (ура) я – дикай (дикарь)! Мамоська, я – дикай!

Таня так не смеялась никогда в жизни, до судорог в щеках, до икоты.

Николай был озадачен. Воспитать сына – это тебе не диссертацию написать. Но Василий что-то понял. За ужином он не выплевывал кашу в клеёнчатый нагрудник с карманом, не стучал ложкой по столу. Он теперь был дикарь!

Существовать в однокомнатной маленькой квартире становилось все сложнее. На месте следующей за Беляево деревни Коньково строили великолепный современный район. 17-ти и 22-этажные дома росли с каждым днем. Внутри района были детские сады, школы, совсем близко – любимая усадьба с лиственничной аллеей. Николай все узнал. Это кооперативные дома. Первый взнос – 5200 рублей, затем, в течение двадцати лет, помимо квартплаты, погашение всей стоимости квартиры, это еще рублей по 50 в месяц. Много. Но – четыре комнаты, большой холл, кухня. Ваське будет, где бегать. Если собрать все деньги, немного занять у дру-

зей, жить предельно экономно – получается! Ректор обещал поддержать на профкоме вопрос о безвозмездной ссуде, если их квартира перейдет очередникам училища. Ждать своей очереди на получение государственного жилья теоретически можно, но на это уйдет десятилетие. А Василий растет сейчас.

Таня недоверчиво спросила:

– А как на троих дадут 4-комнатную квартиру?

Николай поправил:

– Не «дадут», а «купим». Времена меняются. И надо учитывать – в семье кандидат экономических наук и доктор...

– Знаю, знаю, – и «влепила» мужу такой поцелуй, что мурашки пробежали до пят. – И у нас будет своя спальня с бо-о-льшой кроватью?

Николай продолжил:

– А у Васи – своя комната, и два кабинета. Не все же тебе на кухне загорать! Пора писать – время пришло. Я не политик и не экономист, но понимаю, настает твое время.

Таня тоже все чаще думала о работе, о своих пока еще неосуществленных научных проектах.

Меньше чем через год, в ноябре 1988 года, переехали в Коньково. Когда летом в правлении кооператива получили ключи, всей семьей пошли смотреть новую квартиру. Лифты еще не включили – в целях экономии кооперативного имущества. На 15 этаж двадцатидвухэтажного дома, поднимались пешком.

Васька радостно прыгал по ступенькам, приговаривая:

– Новая квар-р-тир-ра.

Он научился выговаривать букву «р», и теперь наслаждался звучанием грозного, как рычание тигра, и громкого, как раскаты грома, звука «ррр». В своем развитии Вася обгонял многих сверстников. Потом он устал, и Николай тащил свое чадо то на руках, то на спине.

У Тани подло заныла спина.

Когда впервые открыли новенькую дверь, усталости – как и не было. Первым в квартиру вошел Василий. Он аккуратно перешагнул через порог, покрутил головой и... снял сандалики, поставил их около двери, скрестил руки на груди и в позе Наполеона спокойно маленькими шагами обошел холл (размером с комнату в Беляево), кухню, еще один коридор около кухни и вернулся к родителям. Не меняя позы, он важно произнес:

– Хор-р-р-ошая квар-р-р-тир-р-р-ка, жить можно! Таня, чтобы не смеяться, зажала рот ладонью.

Николай взял сына на руки, поцеловал в щечку:

– Так это только холл и кухня.

Двери в комнаты были закрыты. Всей толпой пошли открывать двери. Смотрели комнаты, полы, потолки, кухню, отдельные ванну и туалет. У Тани кружилась голова, Николай прикидывал, где и что надо будет делать, и, главное, сколько придется высверливать дырок в стенах. Он вспомнил, как сверлил дырочку для картины, привезенной из Парижа. Старенькая отцовская электродрель уже практически не тянула, Николай стоял на хлюпкой кухонной табуретке, а Таня толкала его в то место, которое находится ниже поясицы. А здесь бетон значительно крепче.

Вася слез с сильных отцовских рук, вернулся в холл, уселся на пол в уголок и твердым голосом произнес:

– Я буду жить в этом хуле!

Таня поправила:

– В холле, здесь не живут, это коридор такой... для приема гостей.

От эмоций и новых впечатлений все устали и решили ехать домой. Лифт неожиданно заработал.

Василий быстро, без капризов и вечернего чтения сказок, заснул. Родители сидели в маленькой, но такой родной кухне. Новую квартиру не обсуждали, не было сил. Да и так все понятно!

Включили телевизор. В вечерних «Новостях» уже «ведущие», а не «дикторы», комментировали очередное выступление Михаила Сергеевича Горбачева. Таня с профессиональным интересом слушала новости экономики. На ряде крупных промышленных предприятий осуществлялся «экономический эксперимент», предлагались новые формы управления, недавно Верховным Советом СССР был принят Закон «О кооперации», готовился новый Закон «О собственности», где впервые, после 1917 года, констатировалось «право частной собственности». Во всех подземных переходах из окошек ларьков, которые росли как грибы после дождя, из открытых окон грузовиков и легковушек несся душераздирающий хриплый голос Виктора Цоя – «Требуем перемен!»

Термин «перестройка» Таня услышала и поняла значительно позже других. Ведь М.С. Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС 11 марта 1985 года, а Васенька появился на свет 14 июня 1985 года, потом – все остальное. Только теперь Таня возвращалась в ту жизнь, которая прервалась почти на четыре года. Она чувствовала себя обновленной, готовой к любым подвигам. Ведь у нее были восхитительный сын, любимый муж и даже большая квартира с собственным, пока еще пустым, кабинетом. Но мебель – дело наживное! Потом выбрасывать будут или отвозить на дачу. Впрочем, дачи пока не предвиделось.

Прошел еще один год. Квартира постепенно обживалась, но с трудом. Не хватало денег, да и на те, что были, купить было почти нечего. Все чаще звучало грозное и безысходное слово «дефицит».

Марианна радовалась за своих детей, помогала, как и чем могла. Она работала на двух ставках, в выходные ездила на метро по всему городу к больным детишкам, чьи родители могли оплатить услуги частного врача. Удачно продала в комиссионном магазине три норковые шубы, десяток вышедших из моды ярких кримпленовых платьев, целую сумку лаковых туфель на высоких каблуках. Не трогала только шкатулку с драгоценностями, она решила отдать их Тане чуть позже. Времена непонятные, беспокойные, а бриллианты и сапфиры, золотые цепочки и браслеты всегда будут в цене даже в войну.

Петр ничего не заметил, Марианне казалось, что он и ее перестал замечать, как воздух. В Министерстве менялись люди, назначались новые заместители министра, начальники Главных управлений, а генерал Задрыга прочно сидел в своем кресле. Многие удивлялись, они же не знали, что Петька Задрыга «заговоренный», его «пуля не берет». Пухлые конверты заполнили почти весь сейф за холодильником.

Марианна, гордая и счастливая, в субботу, с утра пораньше, приехала в Коньково. Недавно открыли новую станцию метро, светлую, просторную, буквально в десяти минутах ходьбы от дома своих, единственно любимых детей. Марианна истосковалась по Васеньке, она его давно не видела, а дети так быстро растут! В сумке, крепко зажатой под мышкой, лежал конверт с деньгами. На польскую кухню точно хватит.

Объятия, поцелуи. Васька сразу забрался к бабушке на руки и громко восклицал:

– Пр-р-иехала бабушка Мар-р-а!

Таня готовила обед на большом картонном ящике, приставленном к старой кухонной тумбе, обеденный столик из Беляево казался просто игрушечным в большой, почти пустой кухне.

Таня и Николай долго отказывались от денег. Таня даже плакала, Марианна – тоже плакала. Николай строго сказал:

– Все, хватит слез, весь паркет залили!

Потом долго пили чай с печеньем и вафлями.

Николай и Таня по очереди каждый вечер ездили «отмечаться» в списках на кухню, в «Дом мебели» на Ленинском проспекте. Когда очередь почти подошла, Николай весь вечер и всю ночь дежурил в длинной цепочке людей, плотно прижавшихся друг к другу, чтобы со стороны, без очереди никто не пролез. Был февраль, очень холодно и ветрено, но ни один человек не ушел. Когда в 9-00 утра открыли большие стеклянные двери магазина, очередь смешалась, и толпа людей, расталкивая друг друга, ринулась в отдел «Кухни». Стояло несколько кучек упакованной в плотную бумагу мебели. Те, кто добежали первыми, обхватывали руками мебель и не отходили от нее ни на минуту, иначе подбегут другие, и все! Важная продавщица, раскрашенная всеми цветами радуги польской косметикой, в широких золотых кольцах с ярко-красными рубинами на толстых пальцах лениво выписывала чеки и приклеивала на мебель бумажку «продано». К обеду грузовик с польской кухней из пластика «под дерево» подъехал к новому дому. Кухню, временно не распаковывая, сложили в одну из пустых комнат. На следующий день Николай срочно летел в США. В Гарвардском университете проводилась конференция по проблемам ядерного разоружения, утилизации ядерных отходов. «Берлинская стена» рухнула, начинался вывод советских войск из Афганистана, «холодная война», казалось, ушла в историю. В мире «потеплело».

Когда Николай, возвратившись Америки, ехал из аэропорта на частнике, он по привычке чуть не повернул в Беляево. Впрочем, их новый дом тоже стоял на Профсоюзной улице. Старые «Жигули» частника подозрительно тарактели, громко стучала подвеска. Водитель, парень с черной щетиной на лице, черными волосами и горящими, как уголь, глазами, плохо, с характерным кавказским акцентом говорил на русском языке. О Правилах дорожного движения он, похоже, не имел ни малейшего представления. Если бы не тяжеленный, просто неподъемный чемодан, Николай никогда не согласился бы на эту авантюру. Тане он строго-настрого запретил пользоваться услугами частников, такси в городе становилось все меньше. У Тани стала часто ломаться машина, а ездить на метро с ребенком было очень сложно.

Николай втащил в квартиру чемодан, ворох кульков. Таня, как всегда, подлетела к мужу, Василий сразу полез в пакеты. Конечно, пожарная машина с раздвижными лестницами, автобус и коробка с непонятной игрой (это были детские пазлы). Таня схватила ручку чемодана, Николай буквально заорал:

– Не трогай, надорвешься!

Когда открыли чемодан, там было то, в чем Таня абсолютно не разбиралась, но она сразу поняла – это то, что надо больше всего в данный момент. В чемодане лежали в упаковках: перфоратор – долбить стены и сверлить сверхпрочные поверхности, электрическая дрель, шуруповерт, который мгновенно и без усилия закручивает любой шуруп, еще какой-то, совсем не известный ей инструмент. Теперь Таня поняла, почему Николай «тормозил», с ее точки зрения, с обустройством квартиры. Да, это был подход высокообразованного человека, профессора!

Василий ходил в детский сад напротив дома. Крепкое здоровье, заложенное правильным уходом бабушки Мары, бесконечная любовь родителей формировали у мальчика уверенный спокойный характер, доброжелательность. Ребенок почти не болел.

Таня вернулась на кафедру, взяла два потока лекций. Через некоторое время, если Видова читает лекцию, значит, в аудитории не будет свободных стульев. Видову приходили слушать студенты с первого до последнего курса. Таня выпустила небольшую книгу, скорее, брошюру «Основы управления бизнесом». Одного слова «бизнес» было достаточно для того, чтобы весь небольшой тираж растаял, как весенний снег на подоконнике. Второе, расширенное и дополненное издание ждала та же участь. Но не все так гладко в этом мире! Вокруг имени Татьяны Видовой формировалась мощная, внутриинститутская оппозиция, в основном из старшего поколения. Татьяну Петровну обвиняли в «западничестве, американизме, отступлении от принципов марксизма-ленинизма». Таня все принимала серьезно и очень расстраивалась. Она уставала на работе. Четыре или шесть часов лекций в переполненной душной аудито-

рии, на ногах, таблицы и графики чертятся мелом на школьной доске, общественные нагрузки, которые партком и профком, не стесняясь, навешивали на «модного» преподавателя, очень скоро дали о себе знать. Опять заболела поясница. Таня отказалась от каблучков, но маленький ребенок, домашние заботы, муж-профессор, от них не откажешься. Стало трудно ездить, дороги совсем разбитые, все больше старых потрепанных иномарок, водители которых принципиально игнорировали хоть какие-то правила дорожного движения. На дороге побеждал и был всегда прав тот, у кого дорогая «иномарка» с затемненными стеклами. Танины «Жигули» стали удручающе часто ломаться. Водить машину в ремонт куда-то в гаражи в Измайлово далеко и молодой женщине небезопасно. У Николая своих проблем – выше крыши. Таня попробовала ездить на метро. Дорога занимала больше часа, стоя, в час пик. Все чаще вагоны метро просто оккупировали бомжи. Они занимали целые скамейки в вагоне, ели, пили, спали, чувствовали себя как дома. Остальные пассажиры буквально спрессовывались – подальше от этих, но ведь тоже – людей. Откуда их столько, почему у них нет дома, ведь раньше они где-то жили? Таня приходила домой и просто падала на кровать, через полчаса вставала и шла за Васенькой в садик. Она была в отчаянии. Марианна пыталась помочь дочери, но что она могла сделать – читать лекции вместо Тани или купить ей новую машину, желательно, иномарку?

Николай Александрович Большаков все больше времени проводил в кабинете ректора, только там стояла правительственная связь. Совсем старенький академик все чаще болел и Николая, «по приказу о...», то есть официально назначал и.о. ректора. Все ждали и гадали, когда же пройдоха Большаков займет почетное кресло ректора и его персональную «Волгу». Николай даже не представлял себе, что это за «ад» – быть ректором такого огромного хозяйства, именно хозяйства, как Высшее техническое училище. Заниматься наукой, семьей, обустройством квартиры или просто отдыхать – побегать по парку, сходить в бассейн или поваляться на диване – посмотреть «видик» – не было времени. Николай был вынужден думать и руководить: учебным процессом, аспирантурой, лабораториями, общежитием, спорткомплексом и т.д. до бесконечности.

А тут еще машина стала давать сбои, сколько ей лет, Николай точно уже и не помнил. И у Юшки машина на нуле. Но ей – нужнее. Впрочем, какая разница, денег нет ни на одну машину. И не предвидится. Гонорарных публикаций мало. О серьезных международных проектах информации не поступает. Европа, конечно, признала М.С. Горбачева «Человеком Мира», но насторожилась, куда заведет Советский Союз перестройка? Цены растут, зарплаты, даже такой, как у профессора Большакова, хватает только на самые необходимые покупки. Жизненный уровень населения катастрофически падает. Это видно по людям, по одежде, выражению лиц, тусклым, озабоченным глазам. Антиалкогольная компания провалилась. Люди озлобились. Кто-то непонятным пока образом мгновенно богатеет, основное население постепенно, но устойчиво беднеет. Страна больше семидесяти лет «просидела в железной клетке» – ВЧК, Гражданская война, эмиграция и последовательное уничтожение элиты, т.е. лучших слоев великой Российской Империи, ГУЛАГ, Великая Отечественная война, послевоенная разруха, невежество и необразованность генеральных секретарей ЦК КПСС – это те стальные прутья клетки, которые искорежили нацию, деформировали генотип народа. Люди почти покорились, почти привыкли жить в клетке, многим это кажется удобным. И есть ли путь выхода, хватит ли сил и ума? Осталась ли почва для ростков демократии или только один чертополох? Так думал Николай Большаков, толкаясь в переполненном метро после работы, когда его «Жигули» в очередной раз народные умельцы и неисправимые оптимисты из измайловских гаражей пытались возродить к жизни.

Николая Александровича мучила еще одна проблема, которая начала обозначаться несколько лет назад, а теперь приобретала все более очевидные формы. Мучила как патриота, а не фигляра, бегающего в лаптях, как серьезного ученого, физика-ядерщика, осознающего все последствия, и как администратора крупного учебного заведения. Начался и все больше

активизируется отток ученых в Европу и США. Уезжают молодые, самые талантливые и активные. Уезжают семьями, под разными предложениями. И самое страшное – им нечего возразить! Николай много раз был там и видел все своими глазами: научную и экспериментальную базу, зарплаты, бонусы, премии, условия жизни – всего не перечислишь. Сколько раз звали и его, но Николай еще студентом Сорбонны решил для себя – его место в России. Почему? Он не знал. И как удержать молодых и не очень молодых ученых, он тоже не знал.

Наступил Новый, 1991 год. Новый год встречали, как всегда, дома. Приехала бабушка Мара с огромной сумкой разной вкусной еды из «коробок». «Та» система работала устойчиво, подпитывалась новыми источниками: кооператорами, директорами заводов и других предприятий, которые любыми возможными способами растаскивали государственную собственность. Все боялись и просили защиты.

Сразу после Нового года – зимняя сессия, потом небольшие каникулы – можно покататься на лыжах. Но оказалось, ректора все это не касается! А может быть, Николай Александрович не подходит для этой должности или мало опыта. Время покажет!

Васе уже шесть лет. Большой разумный мальчик. Хоть у Юшки были каникулы, и они с Васей вдоволь накатались на лыжах.

А потом опять весна подготовка к летней сессии и вступительным экзаменам.

Николай Александрович с утра в почти своем кабинете ректора. Это «почти» терзало своей неопределенностью, старый академик совсем отстранился от проблем, но на пенсию не уходил. Министерство образования молчало. Казалось, все чего-то ждут.

Баз стука, звонка секретаря – дамы в «барашек», в кабинет входит мужчина средних лет, уверенно проходит через все длинное помещение, садится напротив ректора. Николай Александрович удивленно поднял глаза, открыл рот, чтобы высказать возмущение, но ему не дали слова.

– Это, так, значит, я, того, ну сам видишь.

Большаков видел перед собой редкое для него зрелище. Он внимательно рассматривал не прошенного гостя. На госте – бордовый пиджак с резким малиновым отливом, без галстука, рубашка расстегнута на три верхние пуговицы, на толстой крепкой шее золотая цепь, толщиной в мужской палец и золотой крест с «распятием Христа». На руках – пара колец-печаток. Мужчина коротко, под бритву, стрижен. Лицо состоит из крупного тяжелого подбородка, мутных голубых глаз и узкого лба, нос странной формы, похоже, перебита переносица. От него пахнет перегаром и дорогим итальянским одеколоном. Гость продолжает:

– Значит, того, у меня сын, пацан, значит. Он хочет в физики, значит, ракеты для космоса строить. Это он сам говорит, чтобы на Марс летать. Это он все в мать свою – змею очкастую. Ну, я с матерью его уже давно того, сейчас у меня такая...

Гость облизал губы, достал толстый бумажник, открыл, из пачки долларов достал фотографию полуголой блондинки и сунул в нос Николаю. Тот одобритительно кивнул. Гость продолжал:

– Значит, того, я пацана своего не брошу, хочет ракету строить – пожалуйста. Я ему все толычу – ты иди лес продавай или завод какой купи, я бабла подброшу. Ладно, мне времени больше нет с тобой базарить, – он посмотрел на часы. Конечно, это «Роллекс», самая дорогая модель. – Так, значит, записывай Вадика прям на первый курс, – он напряженно сморщил лоб, – а, может, сразу на второй, как там у вас, курс. Я-то семь классов так и не закончил, значит, а вот уже особняк – го-го! На «Бэхе» гоняю, силища, скажу.

Николай решил, что это новая марка автомобиля, еще не представленная на женевском автосалоне. Он пока не произнес ни слова.

Гость продолжал:

– А ты на чем едешь, физик, страну позоришь! Твою ж колымагу на переплав не возьмут. Вот тебе моя визитка и бобла. «Мерина» возьми.

Гость, почти швырнул на стол объемный целлофановый пакет и визитную карточку, встал, направился к выходу, остановился:

– Ты, там, звякни, когда Вадику на занятия приходиться.

Наконец, Николай Александрович опомнился. Он посмотрел на визитку. На визитной карточке русской вязью написано «Господин Пендюркин Иван Иванович. Генеральный директор» и несколько телефонов. Николай почти закричал вслед гостю:

– Господин Пендюркин, постойте!

Гость остановился.

– Возьмите немедленно свой пакет. В приемной комиссии Вам объяснят условия приема в наше учебное заведение. Пендюркин побагровел, набычился.

– Не хочешь, значит, того, по-хорошему, будет по-нашему. А бабло – оставь, еще пригодится.

Он тяжело дышал, мешала большая масса тела. На подоконнике стоял графин с водой, секретарь поливала цветы. Пендюркин увидел графин и из горлышка выпил всю воду. Он повернулся обратно, подошел к столу. Николай инстинктивно отпрянул назад.

– Физик, так, значит, у тебя, типа, значит, тоже пацан. Малец еще, в садик ходит. Я тоже в садик ходил. А щас бывает, часто бывает, мальцы всякие под машины, там, попадают, даже, если с мамками, там.

Он резко повернулся и вышел из кабинета.

Николай сидел и не дышал, столько, сколько человек может не дышать. Он вздохнул и схватил телефонную трубку. Надо позвонить Тане, сказать, пусть спрячет Васеньку и сама спрячется, пока Николай... что? Что он может сделать? Сына Пендюркина он, конечно, «запишет» в училище, без вопросов, даже если абитуриент не знает таблицы умножения. А как дальше? Сессии, экзамены, а если ракета, которую построит Вадик, не долетит до Марса? Теперь всю жизнь прятаться от господина папаши Вадика? Николай решил, что сходит с ума. Он попросил у секретаря большую кружку очень горячего сладкого чая. Целлофановый пакет брезгливо сдвинул в ящик стола. Тане звонить бесполезно, сегодня у нее три пары лекций. Ей вообще ничего нельзя говорить, она не справится с этим кошмаром. Николай сам все уладит. Главное – Тане ни слова.

Училище давно опустело. Николай Александрович уходил последним или почти последним. На выходе дежурный охранник почему-то отвернулся к стене. Вместо подобострастного поклона: «До свиданья, Николай Александрович», – и.о. ректора увидел спину в синей куртке. На куртке крупными буквами было напечатано «ЧОП СЕРВИС». Под фонарем, на том же месте стояла его машина. Только все четыре колеса были грубо, с силой разрезаны. Каждое колесо в нескольких местах. Все стекла автомобиля: лобовое, заднее, боковые стекла, даже фары разбиты. Рядом валялся кусок стальной арматуры. Николай равнодушно посмотрел на машину, а ведь любил ее, почти как живое существо, и пошел в сторону метро. Он был спокоен, потому что принял решение: Вадик будет строить ракету. Это была не трусость. Николай Александрович становился мудрым.

Дома Таня лежала на диване и плакала.

Васька грустно катал по полу любимый американский автобус. Он первый подбежал к отцу и, серьезно, по-взрослому, тихо сказал:

– У мамы спина болит, давай готовить ужин.

Николай как мог, успокоил любимую, растер спину согревающей мазью, обвязал шерстяным платком – еще от бабули. Таня пришла в себя, она просто очень устала. За ужином договорились, что она оставит только одну пару лекций, больше будет работать дома – писать, набирать материал для докторской диссертации. Таня повеселела, Вася не отходил от мамы. Про свои дела и про погибшую машину Николай ничего не сказал.

На следующий день, ближе к обеду, и.о. ректора Большаков позвонил господину Пендюркину и договорился о встрече с его сыном.

В указанный день и время секретарь доложила, что пришел Вадим Пендюркин с мамой. В кабинет входит скромный невысокий юноша, почти еще мальчик, в руках теребит толстую коленкоровую тетрадь. Его мама, худенькая, серенькая, в очках. Больше и сказать нечего. Позже выяснилось – работает библиотекарем, зачитывается научной фантастикой, верит в инопланетян. В чем-то господин Пендюркин был прав.

Николай Александрович вежливо отправил маму пить чай в приемную к секретарю. Беседа с Вадимом началась с того, что мальчик показал «большому ученому, статьи которого он читал даже на английском», свою тетрадь с чертежами космических ракет. Ученый внимательно листал тетрадь, читал пояснения, написанные крупным детским почерком, и обнаружил несколько идей или догадок, что тоже бывает в науке, совершенно невероятных для детского ума. Выяснилось, что, действительно, Вадим очень много читал по физике, теоретической механике, знал некоторые разделы из программы второго, даже третьего курса, но элементарно плавал в школьной программе по алгебре, тригонометрии. Николай Александрович устроил небольшой диктант. Вадим не сделал ни одной ошибки. Маме Вадима ректор сказал, что у нее действительно очень способный сын, надо срочно подтянуть школьную программу, стоит нанять хорошего репетитора и написал на бумажке телефон.

Мама Вадима сделала круглые глаза.

– Но у нас денег на еду не всегда...

– Это я беру на себя, у Вадима есть отец, я с ним поговорю, как мужчина с мужчиной.

В приемной комиссии узнайте...

– Да-да, мы все уже узнали, вот, я все записала.

Николай Александрович улыбнулся вслед «будущему физики». От господина Пендюркина Николай Александрович потребовал оплатить репетиторов и давать денег бывшей жене и сыну. Мозг молодого ученого должен хорошо питаться. Пакет пойдет в счет испорченной машины.

Николай выдержал несколько дней. В пятницу он пришел часа на два раньше обычного. Таня и Васька были уже дома. За ужином Таня спросила с ехидцей в голосе:

– Колька, что у тебя с лицом?

– Ничего, любимая, нос, уши, даже глаза – все на месте. – Колька слегка дернул себя за ухо.

– Какой-то ты радостный!

– А-а... протянул Колька, совсем забыл, сегодня получил деньги из Тулузы и Парижа, наконец, перевели. Представляешь, через коммерческий банк. В «Менатеп» на Новый Арбат ездил.

– За что, ты давно туда ничего не отправлял, – насторожилась Юшка.

– За серию статей об эксперименте на коллайдере. Я уже забыл, думал, не пойдет. Это – когда было!

Таня начала мыть посуду.

– Юшка, отсюда вывод – завтра едем покупать тебе новую машину.

Таня от неожиданности чуть не разбила тарелку.

– Это столько денег!

– Как раз хватит на покупку новенького, почти новенького, «Фольксваген Поло» с автоматической коробкой передач. Я разговаривал на работе, советовался... А ты что думаешь. Тебе ведь ездить.

Юшка, наконец, «вылезла» из посудной мойки, вся посуда блестела. Она повернулась спиной к мойке. От горячей воды щеки разругались. В фартуке и резиновых перчатках она была похожа... на принцессу!

– Я думаю, что сначала надо тебе поменять машину. Ведь ты, известный...

Николай строго перебил ее:

– Юшка, это не обсуждается. Я не буду аргументировать.

Срочно вызвали Марианну – сидеть с Василем.

На Таниной машине они поехали на большой новый авторынок в Люберцах. В «Жигулях» стучала подвеска, движок еле выжимал 60 км. И это – только после ремонта, в июне, по сухой и чистой дороге. О гибели своей машины Николай уже придумал легенду, но расскажет ее Тане позже. Пока его «Жигули» опять в гаражах, все то – же – совсем не тянет мотор. А потом гараж с его машиной сгорит. Слав Богу, пьяный слесарь жив и невредим, но что с него возьмешь и за что? «Горазд он врать!» – похвалил себя Николай.

Большая, как пара футбольных полей, площадка заставлена автомобилями всех марок (ну, почти всех), всех возрастов и степеней изношенности. Есть почти новые машины. Около каждой иномарки два-три парня в спортивных костюмах, это перегонщики. Советские машины продают обычные граждане – владельцы своих «ласточек». Рынок – всегда и везде пестрое, захватывающее зрелище, авторынок – это ярмарка тщеславия, накал страстей и трагедий, таящийся в сердце каждой машины и ее владельца. Атмосфера – напряженная. В кармане, в сумке, в лифчике на груди – огромные суммы денег. Николай быстро сориентировался. Вернее, его быстро вычислили – этот точно будет брать, и не себе, а своей бабе. Это называется – профессиональное чутье. Без особых усилий, через два часа, после внимательного осмотра и пробной поездки по ближайшим переулкам (то, что позже в дилерских автосалонах, стало называться «тест-драйв») красный, невиданный прежде на российских дорогах «Фольксваген Поло» стал принадлежать Тане. Она его сразу полюбила. Мягкий ход, наличие удобной электроники, кресло безопасности для ребенка и, конечно, АКП – делали жизнь за рулем и жизнь вообще легкой и приятной. Через неделю Николай рассказал Тане о «пожаре» в Измайловских гаражах. На самом деле хозяйственная служба училища вызвала грузовик, и старую избитую развалюху отвезли на свалку.

В отпуск поехали на Кара-Даг, в тот же пансионат, где когда-то были. Но отдых не получился. Одна комната, Василий – на раскладушке, кровать скрипит еще сильнее, спать совсем невозможно, питание – отвратительное. Кормить ребенка просто опасно. Море и галька на пляже Васе не понравились, он все время капризничал, Таня нервничала. Поехали в Ливадию, Алупку, везде группы «отдыхающих» крепких мужчин в одинаково белых рубашках. Чем ближе к Форосу, где отдыхал на новой даче Михаил Сергеевич Горбачев с женой Раисой Максимовичной и внучкой, тем больше «отдыхающих». Даже Николаю было не по себе. Вернулись в Москву на неделю раньше – 15 августа.

– Как же дома хорошо! Никуда больше не поеду, если только в Париж! – и это Таня.

19 августа 1991 года, до 1 сентября еще неделя отпуска. За завтраком включили телевизор, в Крыму у них не было телевизора, соскучились по информации. По первому каналу «Лебединое озеро», старая запись классического балета, по второму – тоже «Лебединое озеро», и по третьему, и по всем остальным. Зазвонил телефон из Министерства, просили и.о. ректора Большакова прибыть на рабочее место. Николай расцеловал Таню и Ваську, как будто уходил на фронт. Велел сидеть дома и не подходить к окнам. В метро услышал новость – в Крыму арестовали Горбачева и его жену. К власти пришел ГКЧП. Толком никто ничего не знал. В вагоне поезда была тишина.

Вечером дома Николай и Таня сидели на кухне перед телевизором. Тот же нелепый сюжет: в антрактах «Лебединого озера» повторение «ролика» с заявлением Геннадия Янаева, малоизвестного функционера ЦК КПСС, о тяжелой болезни Президента СССР М. Горбачева. Вся власть в огромном государстве, владеющем ядерным оружием, временно переходит «в руки» Чрезвычайного Комитета. Руки у Г. Янаева сильно тряслись. В состав ГКЧП вошли

известные люди, члены ЦК КПСС, имеющие власть, такие как министр обороны СССР Язов, министр внутренних дел СССР Пуго, председатель КГБ Крючков и другие.

Васину кровать переставили в холл – подальше от окон. Рано, совсем рано утром Таню и Николая разбудил странный звук. В больших окнах нового дома дрожали и позвякивали стекла. По Профсоюзной улице в сторону Центра шли танки. Таня закрыла лицо руками.

Б.Н. Ельцин на броневике, напротив Дома Советов России («Белого дома»). Государственный переворот предотвращен, путчисты осуждены в соответствии с законом.

6 ноября 1991 года в соответствии с указом Президента РСФСР Б.Н. Ельцина прекращена деятельность КПСС. Россия вступила в новую эпоху.

25 декабря 1991 года Б.Н. Ельцин получает всю полноту президентской власти в России в связи с отставкой президента СССР М.С. Горбачева, резиденцию в Кремле и ядерный чемоданчик.

Одним из первых приказов нового Министерства образования Российской Федерации Николай Александрович Большаков назначался ректором Высшего технического училища.

Министерства внутренних дел СССР больше не существовало. Министр Пуго застрелился в своем рабочем кабинете еще до ареста путчистов.

Генерал Петр Данилович Задрыга в возрасте 66 лет был отправлен на пенсию.

Великие исторические события, потрясающие Россию, его мало интересовали и совсем не волновали, как, впрочем, и размер пенсии. Он был спокоен. Он сумел и, главное, успел вернуть батянины деньги. Сейф за холодильником был до отказа забит пухлыми конвертами. Денежная реформа, проведенная в конце 1991 года, не затронула сознание Петра Даниловича. Свои кровные денежки в конвертах он менять на новые деньги не пошел, да и зачем? Десять тысяч, которые можно было обменять на купюры нового образца, вызвали у него несколько странный, истерический смех, но в душу закралось беспокойство. Петр выпил коньяку, поморщился, последние «поставки» были совсем отвратительные. Но запас имеется. Целый угол в спальне заставлен ящиками с водкой и коньяком и прикрыт гобеленовым ковриком. Коньяк – не колбаса, не испортится! Через два года, опять, черт ее возьми, денежная реформа. Банкноты образца 1961 – 1992 гг. были изъяты из обращения и выпущены новые, образца 1993 г. Опять предлагали что-то на что-то менять. В сберкассах очереди, люди понимают только то, что зарабатывалось и накапливалось всю жизнь на «черный день» обесценивается, исчезает. Номинал купюр новых денег от 100 до 50 000 руб. Зарплату выдают «целлофановыми пакетами», деньги носят в нейлоновых авоськах-мешках. Пакет кефира стоит тысячи рублей. Советский рубль окончательно ушел из оборота и заменен новыми банкнотами Центрального Банка России.

Петр Данилович отстоял на почте полдня, чтобы получить пенсию, купил по дороге домой хлеба, молока. Повезло, в колбасном отделе «выбросили» сардельки. Покупатели ринулись к тележке, которую в центр зала выкатила продавщица. Петр Данилович просто раздвинул толпу вокруг тележки своей необъятной массой, взял три кулька – на обед и впрок. С Марианной они уже давно питались по отдельности. В большом финском холодильнике Петр пометил краской «свои» и «чужие» полки. Дома Петр посчитал доход и расход, денег, то есть бумажек с нулями, было много, а до следующей пенсии дотянешь с трудом. Петр Данилович Задрыга, наконец, все понял! Это было страшное открытие. Петр не верил самому себе. Он отодвинул холодильник и открыл сейф.

Щелкнул замок, пришла с работы Марианна. Она увидела странную, непонятную картину. В середине кухни почему-то стоит холодильник, часть стены за холодильником открыта, как дверь. А почему в стене дверь? Петр сидит на корточках напротив открытой стены, огромный живот свисает между раздвинутых колен почти до пола. Он понял, что пришла Марианна, и обрадовался, она все ему объяснит, а он ей по старой дружбе подарит один конвертик! Петр встал на коленки, потом с большим трудом, цепляясь за мебель, встал на ноги.

– Марианна, объясни мне, что все это обозначает? Что происходит с деньгами?

– Тебе что, генеральской пенсии не хватает?

– Да нет, у меня денег много!

Петр схватил Марианну за руку и затащил в угол, где стоял холодильник. Марианна поняла, это – сейф-тайник. Интересно, сколько лет он здесь?

Петр достал пухлый конверт и протянул жене.

– Это тебе. Мальцу конфетку купишь. Он ножками уже ходит?

– Ходит, во второй класс.

Марианна посмотрела на мужа глазами врача. Она увидела лицо сумасшедшего. Она открыла конверт, там лежали двадцатипятирублевые купюры образца 1961 года, т.е. листочки бумаги.

– И много у тебя этого... этой макулатуры? – спросила и испугалась.

Петр с улыбкой, вернее дикой гримасой вместо улыбки, гордо отрапортовал жене:

– Более восьмисот тысяч, советских! Я эти новые бумажки не признаю! всю жизнь деньги копил. Теперь – хватит. Марка, это же настоящие деньги?

Марианна все поняла, Петр болен, он **не понимает** сути происходящего. Она тихо вышла из угла, ближе к двери.

Петр заорал:

– Марка, почему ты не отвечаешь?

– Ты все понимаешь сам! – надо смягчить ситуацию и незаметно добраться до входной двери, от соседей вызвать «скорую».

– Марка, отвечай! Это, что – бумажки?

Петр начал доставать конверты, разрывать их, доставать пачки денег и кидать их к потолку. Никому не нужные купюры разлетались по большой кухне и бесшумно падали на шкафы, стол, плиту, стулья, на пол. Через некоторое время, раскидав больше половины содержимого сейфа, Петр устал, он присел на стул.

– Марка, дай воды.

Он тихо, маленькими глоточками пил воду и смотрел по сторонам. Потом засмеялся

– Можно было Таньке большую квартиру купить, а мальцу... дачу построить, чтоб по травке летом бегал. Марка, почему так?

Марианна плакала.

Петр собрал в кучку купюры со стола, сложил их в ровные стопочки и начал спокойно, методично рвать на маленькие кусочки. Вдруг он засмеялся.

Петр смеялся громко, это был стон раненого тигра, рычание медведя, угодившего в капкан, лай шакала, вой старого волка... Лицо его медленно бледнело.

Марианна не могла шелохнуться.

Смех прекратился. Петр покачнулся и стал падать со стула, Марианна подхватила мужа, стащила его на пол. Петр не дышал. Пульс остановился. Марианна долго сидела на коленках перед мужем, ее слезы капали на его лицо. Потом Марианна закрыла глаза Петра, тело накрыла чистой скатертью из ящика в кухне и вызвала соответствующие службы.

На похоронах генерала Петра Даниловича Задрыги были: жена Марианна Гавриловна, дочь Татьяна, зять Николай. От почетных генеральских похорон отказались. Слишком тяжело было бы слышать лживые формальные речи. На скромной траурной церемонии присутствовали несколько пожилых мужчин из Совета ветеранов МВД России, Семен Семенович Заболотский и его жена. В мир иной он ушел в генеральском мундире, со спокойным, удивительно добрым лицом.

Внук Василий провел целый день у своего соседа по подъезду, одноклассника Витальки, чему оба очень радовались.

Марианна десять дней отпуска «по особым обстоятельствам» прожила у дочери и зятя. Ей предоставили отдельную комнату, кабинет Тани. Васька не отходил от бабушки, гулял с

ней по парку, даже пару дней пропустил школу. Марианна немного успокоилась, давление стабилизировалось. Таня предложила маме окончательно переехать к ним – и возраст пенсионный, и Васька на глазах у родной бабушки, а не соседки. Но Марианна именно за эти десять дней поняла, что дочь, зять, внук – это совсем другая семья, в которой ей нет места. Ее все любили, и она всех любила, но жить вместе постоянно и навсегда – это совсем другое. Таня предложила поменять квартиру на Белорусской на новостройку, вблизи от их дома. Марианна обещала подумать.

Возвращаться домой Марианне было страшно. Больше всего, она боялась сейфа за холодильником. Особенно вечерами ей казалось, что холодильник на колесиках отъедет от стены, дверь сейфа откроется и оттуда выйдет Петр. По совету нянечки из своей поликлиники Марианна на холодильник поставила икону. Но ужас ее не покидал. «Дух» Петра не собирался расставаться ни с квартирой на Белорусской, ни с Марианной. Залу и спальню Марианна привела в порядок, забрала необходимые вещи и комнаты закрыла на замок. Жила в маминной комнате, только поменяла кровать. Но мама тоже нередко «навещала» дочку. Ночью Марианне слышался строгий тембр голоса Ольги Михайловны, ее преследовал запах валерьянки. Она уходила в комнату Тани, засыпала на ее кровати и среди ночи вскакивала от истошных криков Тани: «Мамочка, спаси, мне больно!» И Марианна бросалась на Петра, чтобы спасти дочь от страшных побоев.

Марианна превратилась почти в старуху. Она давно не красила губы, волосы, надевала самые скромные платья, незаметные под белым халатом. Ее спасала только работа. «Маленькие ангелы», как называла она своих пациентов, спасали ее душу, не давали сойти с ума.

Заканчивался учебный год. Таня уговаривала маму поехать с Васькой в пансионат. Марианна оказалась под предлогом работы. Она понимала, что в таком состоянии она не справится с девятилетним сорванцом, как бы она его ни любила.

Как-то вечером, довольно поздно, раздался отрывистый телефонный звонок. Звонила родственница Гаврила Тимофеевича, отца Марианны, из Саратова. Марианна ее хорошо знала, бывала в гостях. Глафира Мелентьевна, или по-семейному тетя Глаша, была постарше Марианны, на пенсии, в прошлом учительница химии и биологии. Дети выросли, уехали в другие города, муж, секретарь Саратовского обкома КПСС, рано умер. Тетя Глаша жила одна, на тихой зеленой окраине города, в добротном кирпичном доме с газовым отоплением и всеми удобствами. Яблоневый сад, огород, цветы под окнами. Тете Глаше приснилась Марианна «в воде по колено» и она решила узнать, как дела у родственницы. Они проговорили больше часа по межгороду. На следующий день Марианна оформила неотгулянные отпуска за предыдущие три года и уехала в Саратов.

За эти месяцы она вернулась к жизни. Марианна, сидя на скамеечке, полола грядки, подвязывала к колышкам мощные кусты знаменитых саратовских помидоров. А цветы, а яблони, малина, смородина – все требовало ухода и внимания. А варенье варить, банки с огурчиками, перчиками, прочими и прочими садово-огородными дарами закатывать. Счет банкам и баночкам пошел на сотни. За бабушкой Марой в Саратов приехали все втроем и прожили две недели, почти до 1 сентября. Так хорошо не отдыхали очень давно, а может быть, даже никогда. Ящики с банками носильщики везли на двух тележках. Незадолго до отъезда тетя Глаша, Марианна и Таня сидели в саду, в тени яблонь и беседовали:

– Марианна, я серьезно говорю, у тебя один выход – переехать жить ко мне. Посмотри на себя, человеком стала, женщиной. А то, как приведение была. Таня понимала, тетя Глаша права, и она не должна удерживать маму в Москве, она там долго не протянет. Дочь не должна быть эгоисткой.

Осенью Марианна продала квартиру на Белорусской брокеру московской Товарно-сырьевой биржи, молодому шустрому парню, три года назад приехавшему из Иркутской области покорять Москву. Он купил все оптом: квартиру, мебель, посуду, люстры. В Саратов уехала

небольшая грузовая машина. Сделка была выгодная и юридически чистая. Об этом позаботился зять. Таня из квартиры своего детства взяла лишь несколько вещей, вазочек, чашечек. Книги давно уже были в Конькове. Марианна отдала Тане большую шкатулку с ювелирными украшениями. Коробочка с медалями и орденом предназначалась Василию, в память о дедушке, которого он так ни разу и не видел. Марианна часть денег оставила себе, на старость, остальное отдала детям.

Сложилась одна забавная ситуация. На фоне денежных реформ, когда деньги обесценились и люди теряли последние невосполнимые сбережения, долг за кооперативную квартиру, на выплату которого Таня собиралась работать всю жизнь, обесценился и был выплачен на деньги, оставшиеся в кошельке после покупки молока, кефира, пакета безвкусных «резинových» вафель.

Таня всегда мечтала о своей даче. Но, эта мечта сидела глубоко в подсознании. Реальных возможностей для ее реализации не наблюдалось.

ДАЧА

Шло время, неумолимое, безжалостное. Оно ломало судьбы людей, открывало новые возможности для тех, кто был тверд, настойчив, умел во время отказываться от старых принципов, чувствовать конъюнктуру. Честь, достоинство, деликатность остались в прошлом. Побеждали беспринципные, самоуверенные профессионалы. В новой России шел активный процесс захвата, раздела и передела собственности, имущественная и социальная дифференциация приобретала угрожающие размеры. «Бюджетники» бедствовали, врачи, учителя, преподаватели государственных вузов получали гроши. «Новые русские» строили немислимые особняки, скупали дорогую недвижимость в Европе. Слетать на недельку в Куршавель или позагорать на собственной яхте на Лазурном берегу, все равно, что на электричке – в подмосковную деревню съездить, посадить картошку. Формировались новая элита, новый средний класс, новый люмпенизированный слой общества. Приватизация ничего не дала народу, лишь создала благодатную почву для мошенничества, откровенного криминала, «узаконила» невероятные по своим масштабам новые формы растаскивания и присвоения государственной собственности, национального богатства неисчерпаемой России.

Николай Александрович Большаков, ректор Высшего технического училища, по-новому Университета, теперь не воспринимал свою работу адом. Он стал хорошим управленцем. Учебное заведение удалось сохранить, теперь предстояло развивать. В Университете, по инициативе ректора открылся новый коммерческий факультет, где студенты обучались модным и востребованным на тот период экономического развития специальностям: бизнес-менеджмент, маркетинг, юриспруденция.

Татьяна Петровна Видова возглавляла сначала кафедру менеджмента, позже была назначена деканом нового факультета менеджмента и маркетинга. В Министерстве образования РФ возражений не было, новый КЗОТ позволял близким родственникам занимать соподчиненные должности, тем более факультет был коммерческий, по сути, частный. Главное – обеспечить достойный уровень образования и финансовую самоокупаемость.

Василий рос, взрослел. Родители следили за воспитанием и развитием единственного сына. Сын быстро понял, что у него «крутые предки», и не утруждал себя учебной, саморазвитием. Ведь в жизни оказалось так много куда более интересных и приятных вещей. А необходимое и неприятное – сделают за него «предки». Когда его уж очень сильно доставали, можно было смотаться в Саратов, к бабушке Маре, она всегда поймет и пожалеет «ненаглядного Васеньку». Василию родители многое прощали: детские шалости, несдержанность, грубость, упрямство. Они всегда находили оправдание – ребенок, мальчик взрослеет. А какое внешнее влияние: телевидение, кинофильмы, а что они смотрят по видео, когда родителей нет дома, а друзья? Один Виталька с 5-го этажа – чего стоит! Отец – топ-менеджер в крупной нефтяной компании. Особняк уже построили, приглашали на шашлыки. Генеральская государственная дача дедушки Гавриила Тимофеевича, где Таня проводила самое счастливое время в своем счастливом детстве, теперь воспринималась, как сарай. Нет, не завидно, но как-то грустно.

Впрочем, Василий неплохо учился, был вполне самостоятельным подростком. Яичницу жарить умел. Он упорно изучал иностранные языки – английский и немецкий. Он понимал, без этого – никуда. А то, что родители волнуются, так на то они и родители! На лето Василий ездил к бабушке Марианне в Саратов. Один раз, лет в тринадцать, поехал вместе с Виталькой – соседом, одноклассником и другом. Того «предки» отпустили на месяц в июле – на малину и помидоры. Виталька потом заявил родителям:

– Ваш Лазурный берег – отстой. Я теперь только в Саратов, куплю дом на берегу Волги и буду выращивать помидоры.

Родители оскорбились, неделю не здоровались с Большаковыми.

Таня и Николай много и эффективно работали. Деньги Марианны, полученные от продажи квартиры, тогда сразу же обменяли на доллары США. В 1998 году, летом, в конце августа, курс доллара неожиданно для населения увеличился сразу в четыре раза, с шести до двадцати четырех рублей за один доллар. Основную часть населения, которая жила «на рубли», очередной раз «затрясла» инфляция. Но строить дачу на рубли тем, у кого была валюта, стало очень выгодно.

Встал вопрос – где строить? Таня и Николай объехали почти все ближнее Подмосковье. Встречались заманчивые предложения в новых коттеджных поселках, но слишком дорогие. Садовые товарищества, созданные в 60-х годах, представляли собой убогое зрелище.

У Валентины Ивановны Большаковой, матери Николая, был маленький развалившийся домик в деревне Соколики, в 20-ти километрах от Москвы, на востоке области. Валентин Ивановна была совсем старенькая, но шустрая, все еще продолжала работать в своем «Гастрономе». Брата Николая, Саши два года, как не стало, Валя жила одна, по своим правилам: ничего не трогать, ничего не менять. О Соколиках все как-то забыли. Николай смутно помнил, как в детстве они всей семьей ездили сажать картошку. В домике было сыро и холодно. Печка дымила и не растапливалась. Затею с картошкой вскоре оставили.

Таня и Николай решили посмотреть на родную деревню.

Деревня Соколики заметно разрослась, превратилась в симпатичный, вполне respectable поселок. Почти все дома старой деревни были ухожены, отремонтированы. И только в самом центре стояло три или четыре дома в своем первоначальном виде. Крыши из шифера покосились, заросли мхом. Яблони, кусты, грядки, заросли травой. Хуже всех выглядел домик № 32, принадлежащий Валентине Ивановне. Построенный из старых железнодорожных шпал сразу после войны, под ржавой железной крышей и с завалившимся забором, он никогда не знал ни любви, ни заботы. Сада не было, следы огородных грядок превратились в поле одуванчиков, полыни и крапивы. Рядом такой же дом и участок, на котором росли древние, полувзросшие яблони. Николаю и Тане хватило одного взгляда, чтобы понять: вот – то, что надо! Энергетика места притянула их к этой земле.

Все втроем приехали в Бескудниково на переговоры с Вале́й, матерью Николая. Валентина Ивановна упорно называла себя Вале́й. Василий был у бабушки Вали один или два раза, в раннем детстве. То, что он увидел сейчас, поразило его. Квартира Вали – это другой затерянный мир. Ваське было даже интересно. Но он не мог понять одного, как **отсюда**, имея маму-уборщицу, можно было стать выдающимся ученым, членом-корреспондентом Российской академии наук. Недавно «Секция физико-математических наук» РАН почти единогласно проголосовала «за», за кандидатуру профессора Большакова. Васька не только любил отца, он гордился им как личностью. Может быть, именно поездки в Бескудниково и общение с Вале́й привели Василия к мысли, что все зависит от самого себя. Родители, окружение и даже деньги тут ни причём .

Валентина Ивановна с трудом вспомнила о Соколиках. Долго копалась в старом серванте, наконец, нашла пожелтевшие бумаги «на дом» и телефон соседки с «яблонями». Николай предложил матери деньги за дачу, но она отказалась.

– Это Ваське вашему, моему внучку – память от Вали будет.

Предстояла долгая кропотливая работа по оформлению документов на землю, на дом, переговоры с соседкой и выкуп ее земли и дома. Всем этим бесконечным бюрократическим потоком бумаг, доверенностей и справок занимался специально приглашенный юрист. Его услуги стоили очень дорого. На оформление всех документов ушло больше года.

Дом из оцилиндрованного бревна в разобранном виде везли из Финляндии несколько огромных трейлеров и собирали, как конструктор. В итоге получилось строение в стиле русского терема, где все было продумано до мелочей. Конечно, прораб – мошенник, обманывал и приворовывал, как только мог. Таня, как профессиональный экономист, успокоила семью.

– Это необходимые издержки производства, закон экономики.

За год дом был полностью готов, все документы на собственность соответствовали требованиям. Николай стал собственником новой дачи.

Новый, 2000 год, встретили дома. Миллениум. Конец первого тысячелетия. Счет новому, второму тысячелетию пойдет через 365 дней. Этот год получается между прошлым и будущим. Когда Таня наряжала искусственную елку, рубить живые деревья вся семья считала дикостью, языческим варварством, она уронила на пол и разбила несколько самых красивых игрушек. Миллениум, разбитые игрушки... Тане было не по себе. Да еще Васька и Николай сразу после Нового года улетели в Австрию, кататься на горных лыжах. Она и смотреть-то на эти лыжи боялась.

Таня устроилась в кресле с компьютером на коленках. Главный редактор давно требовал ее главу в новую монографию. В принципе все материалы подобраны, но глава «не шла». Она надеялась, что за каникулы, пока ее мужчин нет дома, она все сделает. Зазвонил городской телефон, он звонил редко, все общались по мобильному телефону. Кто бы это? Было уже поздно, а ее свекровь, если и звонила, то с утра пораньше. Вчера ее все поздравили с Новым годом. Старушка Валя была не назойливой. Таня забеспокоилась, звонки были странные, длиннее обычного. Новое оборудование на АТС, успокоила себя Таня, но кто звонит в такое время. Она, наконец, взяла трубку. Звонила тетя Глаша, она всегда очень поздно звонила. Два дня назад, 31 декабря, Таня поздравляла маму и тетю Глашу с Новым годом. Тот разговор ей не понравился, мама еле говорила, простудилась, Глаша ограничилась дежурными фразами. На сей раз, она стала интересоваться здоровьем Тани, Васенькой. Голос был озабоченный, чужой. Таня ответила, что у них все хорошо, и отчетливо поняла, что будет все совсем не хорошо.

– А как мама?

Глаша долго молчала, Таня даже подумала, что прервалась связь. Наконец она услышала.

– Таня, маме совсем плохо, приезжай, не тяни время.

И опять – длинные гудки. Таня все поняла. Она еще не знала, что конкретно, но с мамой – беда! Через день она была в Саратове. Тетя Глаша встретила Таню на пороге дома, без пальто, в одном большом пуховом платке и сразу провела на кухню.

– Понимаешь, девочка, Марианна от меня все долго скрывала, когда я стала замечать неладное, она придумывала всякие отговорки, она же – сама врач. До последнего ходила по вызовам к больным детям. Я ее отговаривала, все хотела тебе звонить, но Марианна так умоляла! Наши врачи сказали, что она очень поздно обратилась. И то, не за лечением, а когда уже боль стала невыносимой, за обезболивающим лекарством, которое только по специальным рецептам дают.

– Где она?

– У себя в спальне, она уже не встает.

Таня на ходу сбросила шубу, сапоги, и, шагая через две ступеньки, поднялась на второй этаж. Мама лежала на высоко поднятых подушках. Ее лицо, вернее кости лица, были обтянуты тонкой желтой кожей. На голове – ключья седых безжизненных волос. Она увидела дочку.

– Танечка, родная, прости меня!

Таня села рядом с мамой на низенькую табуреточку.

– Мама, почему ты ничего не говорила, мы бы тебя сразу в Москву перевезли. Там врачи хорошие.

– Я сама врач хороший.

Марианна прикрыла глаза.

Таня взяла ее худые, желтые руки и закрыла ими свое лицо.

– Mamочka, ведь еще все можно исправить, мы тебя вылечим.

Слез почему-то не было. Марианна с трудом подняла лицо дочери.

– Танечка, доченька, я свое прожила, я это чувствую, понимаю. У меня больше нет сил, она сипло, тяжело вздохнула, жить дальше. Зачем мучить вас и мучиться самой. Это бесполезно, поверь. Мне немного... осталось. Я тебя попрошу, мой прах отвезите в Москву и похороните рядом... с моими родителями. Обещаешь?

Марианна замолчала. Таня сидела, смотрела на маму и не могла пошелохнуться. Ей хотелось заплакать, но она не могла. Марианна с трудом чуть приподняла голову и тихо сказала:

– А теперь уезжай, мне так будет легче.

– Нет, я останусь с тобой, мамочка моя, я никуда не уеду. Я пойду к врачу, Николай привезет лучших специалистов... из Москвы. Мама!

– Уезжай домой, это моя последняя воля. Я не хочу, чтобы ты видела..., как я умираю, я же люблю тебя. Я останусь в твоей памяти живой. Уходи, умоляю.

Марианна опять закрыла глаза. Через минуту она начала стонать, все громче и громче. Прибежала тетя Глаша, делать укол.

– Таня, уйди!

Таня встала и, шатаясь, вышла из комнаты. Она еле спустилась по лестнице, вошла в гостиную и легла на диван, лицом в подушку: «Почему они такие жестокие, я хочу быть с мамой, до конца». Таня лежала без слез, ее тело вздрагивало.

Спустилась тетя Глаша. Она погладила Таню по спине.

– Ты поплачь.

– Не могу, нет слез.

– Плохо, поплачешь, будет легче. Она подошла к старинному резному буфету, достала графин с каким-то напитком малиново-красного цвета. Налила полстакана и протянула Тане.

– Выпей, это наливка из смородины и малины. Мы с твоей мамой делали. Поможет.

Таня выпила, было очень вкусно, она протянула стакан и, виновато, попросила:

– Налейте еще!

Тетя Глаша взяла стакан из руки Тани и еще налила в стакан чудесный напиток. Таня выпила и... заплакала. Плакала она тихо, попискивая, как котенок. Потом заснула до утра.

Ее разбудила тетя Глаша.

– Мама без сознания, позвони Николаю.

Таня только сейчас вспомнила о сыне и о муже. Она долго звонила в Австрию, там долго не брали трубку, видимо, были на горнолыжной трассе. Только к вечеру ей перезвонил Николай.

– Я все понял, вылетаем первым рейсом и сразу к тебе.

Николай и Вася приехали через два дня. Марианны уже не было. Она умирала на руках у дочери. Тихо, незаметно она ушла из этой жизни.

Отпевали Марианну Гавриловну Видову в Кафедральном соборе города Саратова. На отпевании было очень много людей. Марианна до последнего лечила и спасала «маленьких ангелов». Денег она не брала. Таня почти не плакала, Вася всхлипывал и причитал: «Бабуля, бабуля, как я без тебя теперь жить буду». У Николая на глазах блестели слезы, он их не скрывал.

На девятый день прах Марианны упокоился рядом с ее родителями на старом московском кладбище. Таня была очень плохая, она ничего не понимала, тут же забывала услышанное, Николай повторял, а она опять забывала. Ее сознание отказывалось принять реальность и заблокировало память. Так объяснили врачи-психотерапевты. Средство одно – дожидаться, пока организм сам восстановит утраченные на время связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.